

КРЫМСКАЯ ВОЙНА

*В ВИХРЕ
ВРЕМЁН*

Соратники

Борис БАТЫРШИН

В вихре времен

Борис Батыршин

Крымская война. Соратники

«Махров»

2017

УДК 82-344
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Батыршин Б. Б.

Крымская война. Соратники / Б. Б. Батыршин —
«Махров», 2017 — (В вихре времен)

ISBN 978-5-699-98197-7

Они оказались в прошлом неожиданно и вовсе не собирались воевать с англо-франко-турецкой армадой, вторгшейся в Черное море. Но их не спросили. Вышедший из-под контроля хронофизический эксперимент, затеянный вооруженными силами Российской Федерации, отправил во времена Крымской войны не только современный корабль, но и гидрокрейсер «Алмаз» с Первой Мировой. И теперь им предстоит устроить врагам России новый Трафальгар, новую Чесму и новую «Атаку Легкой бригады». Русские моряки трех поколений готовы отстоять Крым от любого агрессора!

УДК 82-344
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-699-98197-7

© Батыршин Б. Б., 2017
© Махров, 2017

Содержание

Часть первая. «Все в дыму, бой в Крыму»	6
Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	25
Глава четвертая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Борис Батыршин

Крымская война. Соратники

© Батыршин Б. Б., 2017

© ООО «Издательство «Яуза», 2017

© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Часть первая. «Все в дыму, бой в Крыму»

Глава первая

I

Из записок графа Буа-Вильомэза.

Хранится в архивах Адмиралтейства, Санкт-Петербург

«4 сентября. Погрузка на суда, начатая 2 недели назад, завершена. Флоту предстоит перебросить в Крым 28 000 человек, 1437 лошадей и 68 орудий. Кроме того, еще 6000 турецких солдат плывут на собственных судах.

Сначала на суда погрузили 60 пушек с лошадьми и зарядными ящиками. Потом погрузились 28 000 солдат и, наконец, 1110 лошадей кавалерии. Погрузка идет медленно, любое волнение на море крайне затрудняет ее.

Маршал Сент-Арно не пожелал ждать англичан, проявлявших недопустимую медлительность. Местом рандеву назначили остров Змеиный...

* * *

6 сентября. Стоим на траверзе Змеиного. Англичан пока нет. Мы послали авизо к лорду Раглану и выяснили, что английская эскадра попала в шторм, тогда как мы пришли к Змеиному при хорошей погоде. Сильный ветер стих лишь утром 6-го числа, и в 10.30 адмирал дал сигнал «выходить в море».

Порядок определили следующий: построение транспортов в шесть колонн, каждый транспорт берет на буксир маленький пароход; большие буксируют по два, а иные и по три парусника.

Нелегко найти перо, способное описать картину, представшую нашим глазам: более 100 судов с войсками, амуницией, провиантом, лошадьми и мулами в идеальном порядке, сияет солнце, синева неба отражается в бликах на воде. Часа не прошло, как наш караван растянулся на полгоризонта. Ни одна держава не снаряжала армию такой сокрушительной силы! Пятью линиями, имея на флангах военные корабли, огромный караван полз вперед, окутанный пеленой угольного дыма, которая смешивалась с облаками, придавая еще большую мрачность морю, столь удачно называемому «Черным». За дымным облаком пропал берег, и впереди, насколько хватало глаз, — лишь темные волны и неприветливое небо...

7 сентября. Мы соединились с турками и англичанами в 30 милях от берега. Английская эскадра из 9 линейных кораблей, 5 фрегатов и нескольких вооруженных пароходов выступала в качестве охранения. Мы обменялись сигналами, и с приветственными криками взяли курс на Крым.

Англичане, между прочим, сообщили о потере колесного фрегата «Фьюриес», отправленного в разведку...

Около двух пополудни над нами, в некотором отдалении от ордера, начало описывать круги то, что мы поначалу приняли за очень крупного альбатроса. Расстояние было таково, что даже в подзорные трубы не удавалось ничего разглядеть.

Через некоторое время гость приблизился настолько, что мы смогли рассмотреть его невооруженным глазом. Оказалось, что это вовсе не птица, а несомненное творение рук

человеческих: своего рода крылатая лодка, несущая двух человек! Летела она куда быстрее чаек, и лишь стрижи могли бы потягаться с ней в скорости.

И эта крылатая лодка, несомненно, принадлежала русскому военному флоту! «Хвост», украшающий ее корму и более похожий на рыбий плавник, чем на птичье оперение, нес изображение русского военно-морского флага: голубой крест на белом поле. Выстрелами из мушкетов ее отогнали, но сомнений не оставалось: русские обладают великолепным средством разведки, и мы теперь пребываем в положении слепцов, которых преследует зрячий противник!

Лучший корабль нашей эскадры «Наполеон», на котором находился в тот момент автор этих строк, стал предметом особого внимания непрошенных гостей. До темноты крылатые лодки появлялись еще три раза и каждый раз кружили над этим кораблем.

Но как, скажете мне, наши осведомители в России упустили из виду появление этой удивительной машины? Ибо в механической природе крылатой лодки сомневаться не приходится – свидетельства тому и звук, издаваемый в полете, и крылья, напоминающие этажерку для книг, и быстро тающий в воздухе дымок, который она оставляет за собой.

Остается радоваться, что эти машины не обрушили на наши головы пороховые гранаты или зажигательные снаряды вроде брандскугелей. К тому же крылатый враг явно опасается ружейной стрельбы и при первых же залпах удаляется на недостижимое расстояние.

На всех нас, от юнги до адмирала, это произвело самое тягостное впечатление. Мы шли в бой, не сомневаясь в превосходстве своего оружия и технических средств, и вдруг один-единственный день поставил эту уверенность под сомнение! В самом деле, как можно сравнивать эти стремительные машины с неуклюжими шарами-монгольфьерами, на которых наши соотечественники не так давно научились подниматься в небо? К сожалению, нам нечего противопоставить русским в небе и остается молить Создателя, чтобы на море и на суше это оказалось не так.

8 сентября. Сегодня мы в первый раз подверглись атаке русского флота, и не приходится сомневаться, что неприятель действовал по указаниям своих летучих соглядатаев. К счастью, атакована лишь одна из колонн – та, в которой шла британская боевая эскадра.

Я не могу привести здесь детальное описание сражения, ибо не только не имел возможности наблюдать за ходом боя, но и не получил сколько-нибудь внятного отчета от его участников. Мы лишь слышали канонаду вдалеке, и один раз над нами пролетела одна из крылатых лодок. К вечеру мы все так же оставались в тяжком неведении, лелея слабую надежду, что британцы сумели отразить нападение. Ни одна из наших колонн не подверглась нападению русских кораблей или крылатых лодок...

9 сентября. Мы по-прежнему гадаем о событиях вчерашнего дня. Суда аррьергарда доносят посредством флажных сигналов, что британская колонна отстала. По всей видимости, они исправляют полученные в бою повреждения. Мы остались без боевого охранения, и придется выделять из колонн вооруженные пароходы и парусные фрегаты и формировать из них летучий заслон.

Беспокойство вызывает то, что до сих пор нас не догнал ни один из британских быстроходных авизо – кажется, разумно было бы послать один из них с известием об исходе битвы? Я допускаю, что англичане не хотят подвергать посыльные суда чрезмерному риску, ведь крылатые лодки легко могут навести на него русские фрегаты. Остается уповать на испортившуюся погоду – не может быть, чтобы она не причиняла неудобств хрупким с виду сооружениям! Но та же непогода может задержать и англичан, а значит, мы по-прежнему будем пребывать в неведении...

10 сентября. Принято решение сбавить ход. Теперь мы еле ползем в сторону Крыма, нещадно избиваемые волнами. Погода по-прежнему скверная; кильватерные колонны то и

дело разваливаются, буксирные концы рвутся, имеются случаи столкновений. От англичан по-прежнему нет известий.

14 сентября. Мы в 12 милях от Старого Форта, на широте 45 градусов. Несмотря на нападение русских и потерю связи с британской эскадрой, мы дошли до места всего за 8 дней.

Слава Создателю, авангард в составе линейного «Агамемнона», «Карадока», парохода «Самсон» и нашего фрегата «Примогэ» уже ожидал нас. Его начальник адмирал Лайонс до крайности раздражен отставанием британской эскадры. На совещании, состоявшемся на «Вилль де Пари», он потребовал отложить высадку, но лорд Раглан, находящийся на «Карадоке», и наш маршал Сент-Арно и слушать об этом не пожелали, и адмирал Лайонс, таким образом, остался в меньшинстве. И крепость, и город Евпатория должны быть заняты в самый короткий срок, для чего завтра начинаем высаживать войска.

16 сентября. Второй день длится настоящий кошмар. Процесс переброски на берег людей, лошадей, орудий, материалов, припасов – всего того, что составляет современную армию, – был тщательно продуман и подготовлен заранее, но на деле машина воинского снабжения немедленно стала давать сбои. Еще не отправившись в Крым, мы лишились большей части хлебных запасов, и сейчас армия располагает сухарями и галетами лишь на 10 дней вместо 3 месяцев. Причиной тому стал пожар, уничтоживший в Варне 3 миллиона порций сухарей и 28 передвижных хлебопекарных печей, специально изготовленных к экспедиции. Затребованные у Парижа дополнительных 3 миллиона пайков предстоит ждать не один месяц, и это совершенно очевидно в свете грандиозной бестолковщины, в которую превратило наше Интендантство дело снабжения армии. Будто мало неурядиц, доставляемых нашими собственными бюрократами и крючкотворами, – вдобавок к этой напасти немалая часть имущества и запасов оказались на британских транспортах! Снабженцы то и дело оказываются перед зияющими дырами, затыкать которые нечем. Недаром, перед отправлением, 29 мая, маршал Сент-Арно писал Императору: «Мы не можем воевать без хлеба, без обуви, без котелков и чайников, находясь в 600 лигах¹ от наших складов».

Лагерь на холмах вблизи Евпатории быстро растет. Как по мановению ока, выстроились ряды палаток; к счастью, некоторое количество их было погружено на корабли и теперь выручает наших солдат. Увы, разборные домики из деревянных щитов, которыми предполагалось заменить архаичные полотняные шатры, не выдерживают знакомства с крымскими ветрами.

Новый день принес нам новую неприятность. Крылатые лодки, которых мы не видели со дня боя с русскими, появились вновь! Они кружат над бухтой, забитой кораблями, облепляют скопления грузов, войск, гужевых повозок на берегу. Снизу по летучим машинам беспорядочно стреляют, но без результата. Наивно полагать, что даже лучший стрелок сможет попасть из штуцера по летящей на такой высоте цели...

17 сентября. Наконец получены известия от англичан! Оказывается, охранение вступило в бой с русскими кораблями, понесло жестокие потери и не нашло ничего лучшего, как повернуть обратно в Варну, оставив тех, кто был поручен их заботам! Воистину, господь благоволит доблестным сынам Франции: за те 8 дней, что прошли после баталии, русские ни разу нас не потревожили. Возможно, причиной тому стала непогода?

Офицеры с британского корвета наперебой рассказывают о быстроходных русских фрегатах, об их разрушительной артиллерии. Слухи расползаются по лагерю со скоростью лесного пожара, оказывая на людей неблагоприятное воздействие: все мы стали свидетелями того, как Ройял Нэви, в могуществе которого нас упорно убеждали, бросился наутек, получив первый щелчок по носу. Этим союзники поставили нас в тяжелейшее положение:

¹ Британская единица измерения расстояния, равная 3 милям или 4828 метрам.

ни о какой посылке эскадры к Севастополю для бомбардирования фортов теперь и речи быть не может. Непросто решиться даже на разведочную вылазку, настолько тяжелое впечатление произвели на моряков рассказы о невероятных русских кораблях! Маршал Сент-Арно, желая пресечь подобные настроения, во всеуслышание заявил, что беглецу с поля боя противник всегда мнится неуязвимым, и лишь этим можно объяснить то, что лаймы болтают о русских кораблях. Адмирал Лайонс, услышав это, вышел из себя и заявил, что не намерен впредь иметь дела с главнокомандующим. Офицеры обеих армий не отстают, и в лагере назревает эпидемия дуэлей и драк. Спасает лишь то, что большая часть английских войск осталась на ушедших кораблях. Впрочем, кавалеристы легкой бригады Кардигана здесь, и они одни с успехом заменяют всех остальных драчунов армии Ее Величества королевы Виктории...

19 сентября. Несчастья не оставляют нас. Вчера было решено отправить разведку к Севастополю. Лорд Раглан настаивал на посылке сразу двух десятков кораблей, в том числе «Наполеона» и «Агамемнона», но природная осторожность адмирала Гамелена взяла верх. Для задания он выделил прекрасный колесный фрегат «Вобан» и винтовой корвет «Катон» – очень ходкое посыльное судно с железным корпусом. Не успели разведчики отойти на десяток миль от Евпатории, как в небе над ними была замечена крылатая лодка. Не приходилось сомневаться, что русские увидели наши корабли гораздо раньше. Но отряд продолжал следовать прежним курсом, надеясь на ходкость своих кораблей.

Расплата наступила незамедлительно. Скоро на горизонте показались дымы четырех судов. Оценив численное преимущество противника, капитан «Вобана» (человек, безусловно, храбрый) приказал поворачивать обратно. Но, увы, два русских корабля без труда догнали фрегат! «Катону» повезло – он шел впереди, да и скорость мог развить заметно больше, чем колесный «Вобан». Корвету удалось уйти, оставив спутника на растерзание неприятелю. Дальнейшая судьба фрегата неизвестна; не приходится, впрочем, сомневаться, что она оказалась печальна. Судя по рассказам англичан, любой из неприятельских кораблей легко справится с двумя фрегатами того же типа, к которому относился «Вобан».

Крылатые лодки регулярно появляются над лагерем и Евпаторийской бухтой. Согласно донесениям лазутчиков из числа местных жителей, база, с которой они совершают полеты, расположена в местечке под названием *Kacha* (в первоначальных планах это место рассматривалось как подходящее для высадки). Разъезды наших африканских егерей и гусар из британской Легкой бригады по несколько раз в день сталкиваются с *Cosaques* и несут потери. Особенно жестокие стычки случаются, когда дикие степные конники пытаются отбить направляющиеся в лагерь телеги, принадлежащие местным обывателям. Эти *Tatars*, мусульмане, бывшие подданные османского султана, не простившие русским завоевания своих земель, охотно нам помогают. *Tatars* служат проводниками, приносят сведения, снабжают лагерь скотом и даже выражают готовность вступить в ряды спешно создаваемой местной милиции.

Увы, этих *Tatars* (в иное время жестоких и отчаянных головорезов и умелых воинов) охватывает панический страх при виде русских крылатых лодок. Увидев их, *Tatars* (все поголовно мусульмане) в панике разбегаются, бросая оружие, скот, повозки, и это наносит нашему снабжению, и без того дурно устроенному, весьма значительный вред. А потому уничтожение базы крылатых лодок в Каче названо в числе первоочередных задач. Некоторые рассчитывают, что, заняв Качу, мы обезопасим лагерь от угрозы с неба, так как крылатые лодки не смогут долететь до Евпатории из Севастополя. Я не разделяю такого оптимизма: не стоит забывать, что проклятые летучие механизмы сумели достать нас во время перехода в Крым, вдали от берегов – а значит, либо они обладают очень большой дальностью полета, либо способны базироваться на одном из русских кораблей.

И все же дальнейшее пребывание в Евпатории лишено всякого смысла. На большом военном совете было решено не позже чем через четыре дня выдвигаться на юг, к Севастополю.

полю. Флот поддержит армию движением вдоль побережья, так что новым русским фрегатам непросто будет противостоять такой массе кораблей и пушек...»

II

25 сентября 1854 г.

Крейсер II ранга «Алмаз».

Лейтенант Реймонд фон Эссен

На шканцах медно звякнуло: пять склянок. Последний удар перекрыл зычный рык боцмана, с утра лютовавшего на палубе. Фон Эссен не стал интересоваться, что вызвало неудовольствие Перебийвитра; «Алмаз», вместе с остальными кораблями отряда, готовится к походу. Мимо лейтенанта бодро прорысили два матроса – волокли брезентовый рукав, чтобы окатывать из него палубу. Приборка заканчивалась.

В пяти кабельтовых напротив Константиновской батареи лениво дымит «Заветный». Рядом, за цепочкой плавучих бонов, виднеются «Морской бык» и низкие силуэты пароходов. А дальше, на внутреннем рейде, – висится густой лес мачт. Черноморский флот. Силища!

Корабль «потомков» стоит на бочке тремя кабельтовыми мористее «Алмаза». Рядом с ним пристроился «Громоносец» – Корнилов ни на миг не оставляет гостей без пригляда.

«Потомки» настояли на том, чтобы поставить свой сторожевик подальше от берега. Их прибор, называемый «радиолокатор», способен обозревать море необыкновенно далеко, но высокий берег сильно мешает обзору. Эссен своими глазами видел картинку на экране и готов был свидетельствовать, что возвышенности, окружающие Ахтиарскую бухту, и правда ограничивают видимость. Но при том лейтенант никак не мог отделаться от мысли, что это лишь повод и командир сторожевика капитан второго ранга Кременецкий попросту не хочет забираться в теснины и узости внутреннего рейда, где корабль целиком в чужой власти, а его замечательные скоростные качества не значат ровным счетом ничего.

А ведь и недели не прошло, как алмазовцы сами косились на ряды пушек в бортах нахимовской эскадры и гадали, что это – знак вежливости или мягкий намек? Да, совместные боевые выходы повыветрили подозрительность из иных горячих голов...

Так или иначе, теперь «Адамант» с его аппаратурой стал глазами и ушами эскадры. Теперь можно побережь моторесурс гидропланов – сторожевик не пропустит ни одну цель на десятки миль вокруг и немедленно наведет на нее боевые корабли. За трое суток, прошедших с момента появления «потомков», он дважды выходил в море, и всякий раз летучий отряд из пароходофрегатов с «Заветным» во главе возвращался с добычей. Союзники не оставляют попыток наладить связь с высадившейся в Крыму армией, да и разведку к Севастополю шлют с завидной регулярностью. Пока они не рискуют отправлять крупные силы, но, вероятно, скоро сменят тактику, благо уже три судна-разведчика напоролись на горячую встречу. Одно из них лежит на дне, на траверзе Балаклавы; еще два принимают на Севастопольском рейде новые команды, пополнив собой состав Черноморского флота. А назавтра «потомки» обещают ввести в строй свой «беспилотник» (копию летающей машины, протаранившей гидроплан Фибиха), и тогда появится возможность наблюдать за плацдармом и союзной эскадрой собственными глазами.

«В реальном времени», как говорил Велесов. Эссен обнаружил, что ему не хватает вечерних бесед с Сергеем, к которым он пристрастился во время пребывания в Каче. Сейчас Велесов отлеживается в лазарете «Адаманта», и, хотя жизнь его вне опасности, недели на две он выключен из активной деятельности.

Фибих, кстати, уцелел, как и его подельник, британский журналист. Об этом русским рассказал офицер с захваченного вчера французского парохода. «Угонщиков» (как их назвал

тот же Велесов) выловили из воды, и англичане несколько дней подряд обшаривали дно бухты в поисках обломков гидроплана. Известие, что и говорить, неприятное.

Помимо радиолокатора, самым ценным приобретением стали для нас средства связи. Рациями-переговорниками теперь оборудованы все гидропланы. Полетов, правда, нет уже второй день – после эвакуации из Качи аппараты поставлены на профилактику, весь личный состав авиаотряда пропадает на береговой станции, куда перенесли с «Морского быка» все ремонтное оборудование. Потомки и тут помогли: подкинули с «Адаманта» переносной дизель-генератор и неплохой ассортимент электрического инструмента, так что работы идут ударными темпами. Всего час назад Корнилович отрапортовал о готовности своего аппарата; два других встанут на крыло к завтрашнему утру.

Значит, пилоты и мотористы, не жалея себя, вкалывают, а командир отряда прохлаждается на флагмане? Ничего, господа авиаторы, командир – тоже человек и имеет право отдохнуть после захватывающей погони в темноте, со стрельбой и последующим падением с высоты тысячи футов в море! Рабочих рук на береговой станции хватает, на каждый аппарат приходится двойной комплект мотористов. Из семи гидропланов, попавших вместе с «Алмазом» в 1854 год, в строю остались всего три. Два аппарата, как не подлежащие ремонту, пущены на запчасти, еще два потеряны безвозвратно: один сгорел на шканцах «Роднея», второй увел негодяй Фибих. Оставшиеся дышат на ладан, несмотря на ухищрения, предпринимаемые умельцами авиаотряда и добровольными помощниками с «Адаманта».

* * *

От сторожевика отделился катер, развернулся и, неся высокий бурун, полетел к крейсеру. На корме заполоскалось зеленое с голубым Андреевским крестом полотнище.

Береговая охрана Российской Федерации. Эссен уже знал, что корабль относится к морским силам Пограничной стражи: об этом говорили косые полосы на борту и большие белые буквы на синем фоне в районе мидель-шпангоута. Выше, на ярко-белой надстройке, надпись повторялась по-английски – «Coast guard».

Силуэт «Адаманта» резал Эсену глаз. С одной стороны – удивительная стремительность, легкость в обводах, намекающая на невиданную скорость, с другой – непривычные грани корпуса, шары и решетки, в кажущемся беспорядке венчающие надстройку. Корабль потомков представлялся лейтенанту то ли пришельцем с Луны или Марса, то ли странным насекомым – сочетание нечеловеческих форм и нечеловеческой же целесообразности в каждой детали. И загадочное, непонятное движение математической мысли, скрывающееся за фасеточными зрачками и радужными надкрыльями...

Эссен помотал головой, отгоняя некстати возникшие мысли. Какие еще надкрылья? Корабль как корабль, разве что конструкция непривычная. Ну так и «Алмаз», наверное, кажется нынешним севастопольцам морским чудом-юдом, а ведь их разделяют чуть больше шестидесяти лет, а не целый век!

* * *

– Реймонд Федорыч! Благоволите подняться на мостик!

Эссен взбежал по трапу. Капитан первого ранга Зарин стоял у лееров и разглядывал в бинокль посудинку «потомков». Бинокль был непростой – в памятный день встречи командир сторожевика капитан второго ранга Кременецкий презентовал его коллеге. Линзы странного золотистого оттенка, необыкновенная ясность изображения, подсвеченная зеленым сетка, восьмидесятикратное увеличение – и все это помещается в сравнительно компактном устройстве!

Вместе с биноклем на крейсер попала и рация – не карманный аппаратик, вроде тех, что были у Велесова, а мощная станция, для работы с которой на «Алмаз» откомандировали старшину. Вот он, стоит возле Зарина. На голове – массивные черные наушники поверх смешной, на жокейский манер, шапочки с козырьком. В ладони – микрофон на полупрозрачном спиральном шнуре.

Кременецкий кивком поприветствовал фон Эссена.

– С «Адаманта» откомандировали офицера к штабу Меньшикова – как представителя нашего отряда и для обеспечения связи. Вы уж, дюша мой, сопроводите его на берег. Доставьте к князю, потом расскажете, что и как...

Вчера на совещании, состоявшемся в кают-компании крейсера, среди прочих первоочередных дел обсудили организацию связи в предстоящей баталии. «Потомки» выделяли две радиостанции, кроме той, что находилась сейчас на мостике «Алмаза». Одну решено было отправить на флагманскую «Императрицу Марию», вторую – в штаб командующего сухопутными силами. Рацию на линкор доставили ко второй склянке и уже опробовали. Теперь предстояло наладить радиосвязь и с армейцами.

Вместе с «потомками» на берег отбывал и Лобанов-Ростовский. Эссен выполнил обещание и припомнил непоседливому князю проломленное днище аппарата Корниловича, из-за которого негодяю Фибиху достался гидроплан с пулеметом. Отрядив «безлошадного» Марченко руководить переносом качинской базы, Эссен посоветовал Зарину поставить прапора командиром спешно формируемой пулеметной команды. К огорчению лейтенанта, Лобанов-Ростовский восторженно принял назначение и с жаром взялся за дело. Под его началом – полторы дюжины матросов с «Алмаза», четыре десятка солдат-севастопольцев и шесть пулеметов разных систем. Сейчас прапорщик дожидался на Графской пристани: ему вместе с офицерами с «Адаманта» предстояло отправиться к штабу князя Меньшикова, днем раньше покинувшего Севастополь.

* * *

Катер описал дугу в кабельтове от «Алмаза». Эссен не уставал удивляться изобретательности потомков: надо же додуматься: сделать борта довольно крупного разъездного суденышка надувными! Вон как играет солнце на круглых боках баллонов...

По доскам палубного настила застучали башмаки, засвистала боцманская дудка, упал, разворачиваясь, штормтрап. Эссен кивком подозвал вестового (тот дисциплинированно дожидался в сторонке, навьюченный лейтенантским багажом) и направился к трапу. Он не хотел ждать алмазовского вельбота: терять почти час, покорно глотая летящие из-под весел брызги, – нет уж, благодарю покорно! То ли дело катерок «потомков»: десять минут, и ты уже на Графской пристани!

Отдых – дело, конечно, хорошее, но пора и честь знать. Самое позднее послезавтра авиаотряд начнет боевую работу, но сначала каждый из аппаратов надо поднять в воздух, облетать, устранить неизбежные недоделки.

III

Из дневника Велесова С. Б.

Хранится в спецархиве ФСБ РФ.

Гриф: «Совершенно секретно»

«26 сентября. Который день кукую в лазарете в почти полном одиночестве. Не считать же за компанию беднягу профессора, который лежит за ширмой, весь опутанный проводами и катетерами? Адамантовский медик, стоит спросить его о Груздеве, немедленно вспоми-

нает о каком-нибудь срочном деле. И дело не в особо безнадежном состоянии пациента – наш эскулап попросту не понимает, что происходит. Судя по тому немногому, что я сумел вытянуть из него за эти дни, профессору давно полагалось либо отойти в мир иной, либо прийти в себя. Но нет, он завис в состоянии необъяснимой с точки зрения медицинской науки комы и пребывает в ней уже почти месяц.

Отсутствие общества – это, конечно, неприятно, но информационным голодом я не страдал. Генетически страдающие тяжелой формой шпиономании вояки все же осознали, что здесь, в XIX веке, никто в бортовую сетку «Адаманта» не влезет по определению, как и не проникнет на борт сторожевика местный Джеймс Бонд, оснащенный хитрыми шпионскими гаджетами. А потому я наслаждаюсь обилием информации – ноутбук подключен к локалке, и я вполне официально исполняю положенные мне по штату обязанности «члена консультационного штаба». Кроме меня в нем состоят Андрюха Митин и единственный наш «научник», Валентин Рогачев.

Именно Валя предположил, что профессорская кома – это отнюдь не следствие контузии. И на самом деле Груздеву прилетело от того самого «фиолетового вихря», что уволок «Адамант» в прошлое. Если это так – то дело худо, потому как Валентин окончательно забросил попытки взломать хитрый груздевский софт. И перспектива нашего возвращения в двадцать первый век выглядит не туманной, а прямо-таки призрачной.

Рогачев на пару с Бабенко, старлеем-радиостом, внезапно оказались самыми востребованными на «Адаманте» специалистами. Они не вылезают из радио-рубки, паяют, крутят, налаживают, собирая из груды запасных блоков стационарные рации. Связь – это наше все; пока Валя с Никитой шаманят со своими транзисторами, Дрон проводил в кают-компании мастер-класс для безлошадных авиаторов и мичманов с «Алмаза», будущих радиостов. По одному человеку с переговорником решено отправить на каждый из пароходофрегат и на парусные линкоры. Остальных распределяют по сухопутным штабам. Именно связь, а не пулеметы, спешно собранные по всем кораблям (даже Кременецкий с кровью оторвал один из двух своих ПКМов), должна сыграть в предстоящей кампании решающую роль.

Андрюха доволен как слон. Давно ли, кажется, он грустил, тихо завидуя моей удаче? Еще бы: я, которого он привлек в Проект, отправлялся в прошлое, а ему предстояло остаться дома и знакомиться с результатами экспедиции «в пределах своего допуска». Уж не знаю, кому из начальства он успел насолить настолько, что его задвинули за шкаф? И вот на тебе: «высочка и дилетант» отлеживается в лазарете, а он, незаслуженно обойденный майор ФСБ Митин, отправляется на «Императрицу Марию», флагман самого Нахимова, в качестве офицера связи и советника!

На «Марии» Дрон пробыл недолго. Вечером того же дня Корнилов затребовал его в свой штаб. «Морской бык» уже в море, возле Альмы, а «Императрица Мария» и остальные корабли линейной эскадры только еще вытягиваются за буксирными пароходами на внешний рейд и строятся в походный ордер.

Пароходофрегаты вышли в море сегодня ночью, вслед за «Алмазом» и «Заветным», имея задачей поддерживать зрительный контакт с выползающим из евпаторийской бухты флотом интервентов. Вся эта армада паровых и парусных линкоров, фрегат, корветов и невесть еще чего вот-вот двинется на юг, к Севастополю, вслед за сухопутной армией.

ПСКР, превращенный в судно управления, остается при эскадре. В качестве представителя Черноморского флота на борту у нас сам Истомин – надо видеть, какими глазами смотрят офицеры «Адаманта» на легендарного контр-адмирала! Отмеченный Нахимовым за действия при Синопе (*«Нельзя было довольно налюбоваться прекрасными и хладнокровно рассчитанными действиями корабля «Париж» – это про него!»*), Владислав Иванович с энтузиазмом изучает нашу технику и особенно методы управления боевыми действиями. Интересно, как он вернется после этого к флажной азбуке и парусным эволюциям?

На сторожевик непрерывно поступают доклады от наших представителей при армии. Главную скрипку там играет Фомченко: Дрон говорит, что генерал вполне пришел в себя после учиненного Кременецким «переворота» и с готовностью впрягся в подходящую лямку. Что ж, разумно – кому, как не ему, находить общий язык с николаевскими генералами?

При Фомченке на берегу состоит летеха-стажер с «Адаманта». Его задача: обобщать данные, попадающие в штаб, и пересылать на сторожевик. Это, конечно, не под силу одному человеку, а потому лейтенант просто копирует донесения, а разбираются с ними уже здесь. «Информационный центр» пашет на всю катушку, каждые полчаса рассылая краткие бюллетени по текущей ситуации на ТВД – как сухопутном, так и морском.

Сегодня с утра заработала и авиаразведка – в воздухе постоянно находятся один из гидропланов и «Горизонт». Французам, наверное, невдомек, что каждый их шаг старательно отслеживается, заносится на планшеты, анализируется...

А может, и «вдомек». Конечно, скотина Фибих ничего не знает о возможностях «Адаманта», но уж о наблюдении с воздуха он им наверняка поведал. Так что неприятель наверняка будет теперь осторожнее.

Нашлось дело и для меня, болящего. Из всех, кто находится на «Адаманте», в кораблях и тактике 1854 года разбираются два человека: контр-адмирал Истомин и ваш покорный слуга. А потому каждый из информационных бюллетеней (а они, напомню, готовятся каждые полчаса) проходит через мои руки. Хорошая все-таки штука – современные цифровые технологии: можно участвовать в работе штаба флота, не вставая с лазаретной койки!

Войска со вчерашнего вечера копают позиции по южному берегу речки Альма. Интересно, Меньшиков и на этот раз рассылает приглашения севастопольской великосветской публике «посмотреть сражение»? Что ж, если да, то этих господ ждет незабываемое зрелище.

Вкратце план на предстоящую кампанию таков...»

Глава вторая

I

Вспомогательный крейсер «Морской бык».

27 сентября 1854 г.

Майор ФСБ Андрей Митин

С погодой нам повезло, подумал Андрей. Легкий ветер с зюйд-веста – как раз такой, чтобы наполнить паруса севастопольцев и в то же время вынудить союзников тащить свои утюги на буксире. Фрегаты и всякая мелочь пойдет самостоятельно, а вот парусные линкоры при таком ветре не ходоки. Конечно, пароходов у французов хватает, но все же – приятно...

«Морской бык» возглавляет отряд пароходофрегат Черноморского флота. По этому случаю ход держится на крейсерских десяти узлах, для «Владимира», «Громоносца», «Бес-сарабии» и трофейного «Вобана» это немало. При необходимости они могут выжать из машин до двенадцати узлов – но это только в теории. На практике же Бутаков неуверенно сулит эскадренный ход в десять с половиной, но предупреждает, что больше часа поддерживать его не сможет – механизмы сильно изношены, не ремонтировались с начала кампании.

– Какой замечательный у вас корабль, Андрей Геннадьевич! Просто не верится, что мне посчастливилось попасть сюда!

Андрей покосился на собеседника. Лейтенант Перекомский Авив Михайлович. Из семьи военного врача, окончил Черноморское артиллерийское училище в Николаеве, поручик корпуса Морской артиллерии, пять лет назад переименован в лейтенанты флота.

Авив Михайлович успел повоевать: в июне, состоя в должности старшего артиллерийского офицера на «Херсонесе», принял участие в бое отряда контр-адмирала Панфилова с тремя пароходофрегатами. А когда «Херсонес» отдали под переделку в авиатендер, получил назначение на «Морской бык». На бывший турецкий угольщик предстояло воткнуть полторы дюжины тяжелых бомбических орудий, устроить защиту машинного и румпельного отделений, прикрыть пушки траверсами из мешков с песком, оборудовать временные угольные коффердамы, дающие хоть какую-то защиту от ядер. Неделью лейтенант спал урывками, по двое суток не смыкал глаз, но работы закончил вовремя. Адмирал Корнилов, осмотрев новую боевую единицу, оценил впечатляющие две с половиной тысячи тонн (вдвое больше любого из черноморских фрегат), четырнадцать с лишним узлов скорости и мощное вооружение – и решил перенести на «Морского быка» свой штаб. Так что Авив Михайлович в одночасье оказался артиллерийским офицером флагмана Черноморского флота и изрядно по этому поводу нервничал.

– Да ведь это теперь ваш, а не наш корабль! – Андрей не стал добавлять, что не имеет к «Морскому быку» никакого отношения. Зарин и Кременецкий решили пока не раскрывать севастопольцам истинное происхождение «Адаманта». Конечно, со временем придется посвятить, а пока – хватит с них одного футушока.

– Жалеете, наверное, о своем «Херсонесе»? Ничего, теперь он войдет в историю: как-никак, первый в мире гидроавианосец!

Работы на «Херсонесе» еще далеки от завершения. Но пока это не играет особой роли – речка Альма, где должны состояться главные события ближайших суток, всего в двух с половиной десятках верст от Севастополя, гидропланы вполне достают туда со своей базы.

– Да какой там – жалею, голубчик Андрей Геннадьевич! – замотал головой лейтенант. – Эдакая мощь, я и мечтать о таком раньше не мог! Ужо дадим прикурить французам!

На «Морского быка», кроме восемнадцати трехпудовых пексановых орудий, самых мощных в севастопольских арсеналах, поставили три пушки Лендера, снятые с «Алмаза». Рядом с чугунными чудовищами кургузые противоаэропланые трехдюймовки смотрятся не слишком солидно, но Перекомский уже имел представление об их точности и дальности, а также и о разрушительной силе осколочно-фугасных гранат.

Крепостные орудия (после нескольких опытов их предпочли корабельным шестидесятичетырехфунтовкам) установили на «Морской бык» вместе с поворотными платформами, прикрыв траверсами из котельного железа и мешков с песком. Арсенал вспомогательного крейсера дополнили четыре карронады и пулемет «Максим» на тумбовой установке. И если карронады представляли угрозу на расстоянии не более пяти кабельтовых, то пулеметные очереди способны очистить палубу неприятельского корабля и со вдвое большей дистанции.

Над «трехдюймовым» плутоном начальствовал мичман с «Алмаза». Кроме него, в экипаже «Морского быка» было еще девять «алмазовцев» – машинная команда и артиллеристы. Корнилову смерть как хотелось поручить флагман своему, севастопольцу, но менять капитана перед самой батальей он все же не решился. Так что «Морским быком», как и раньше, командовал мичман Солодовников. Зарин, узнав, куда отправляется Андрей, приватно попросил его приглядеть за юношей: оказаться в одночасье в обществе адмиралов и легендарных личностей не всякому по плечу.

Андрей усмехнулся, вспомнив этот разговор: похоже, между моряками из 1916-го и 2016-го уже возникла своего рода общность. За это спасибо Сереге Велесову – старый друг вжился в кают-компанию крейсера, стал там своим, и теперь это отношение унаследовали остальные «гости из будущего».

Рация призывно запиликала. Андрей открыл чехол, отжал тангенту:

– Тащ майор, вас Первый требует! Срочно!

Первый – это позывной «Адаманта». Андрей развел руками – служба! – раскланялся с Перекомским и заторопился на мостик.

II

Гидроплан М-5, бортовой номер 37.

27 сентября 1854 г.

Реймонд фон Эссен

С высоты в тысячу метров армия напоминала огромный ромб. Охватить эту фигуру одним взглядом невозможно, и пришлось сделать два полных круга над прибрежной степью, прежде чем удалось составить представление о походном построении неприятеля.

Мичман качнул штурвал. В летающей лодке Григоровича летнаб сидел справа от пилота, и при правом вираже ему открывалась замечательная картина.

Сегодня место наблюдателя занимал сам Эссен, а «тридцать седьмой» управлял мичман Корнилович. Лейтенант не любил уступать штурвал другим, но ничего не поделаешь – сейчас он не мог позволить себе отвлекаться на управление.

Внизу, в утреннем мареве, от пологой гряды холмов на востоке до полосы прибоя на западе, раскинулась степь. На всем этом пространстве гигантской пыльной амебой ползла вражеская армия. С высоты движение не было заметно, лишь пыльные хвосты за кавалерийскими разъездами, повозками, упряжками, пехотными колоннами показывали, что вся эта махина людей, лошадей, пушек не стоит на месте, а медленно, упорно перемещается на юг.

Эссен пригляделся – кое-где, в головах пехотных колонн, плескались яркие солнечные блики. Он поднял бинокль. Так и есть: французы идут с музыкой, и если бы не треск «Гнома», то и сюда донеслись бы бравурные звуки маршей. А дальше трепещет на ветру полотнище неразличимых с такого расстояния цветов – знамя.

* * *

Об этом построении рассказывали вчера на военном совете. Сент-Арно расположил войска гигантским ромбом, углом в сторону русских, и на острие этого угла блестит бронза полковых оркестров, полощутся знамена. Бинобль, подарок «потомков», давал роскошное увеличение: с расстояния в две с лишним версты лейтенант различал красные фески и синие куртки французской пехоты. Зуавы. Отборные африканские стрелки, головорезы маршала Сент-Арно, марширующие по сухой крымской земле.

В интервалах между батальонами пылят орудийные запряжки, внутри ромба ползут обозы, вперемишку с конными отрядами. Замыкают построение красные колонны британской пехоты – того, что осталось от нее после позорного бегства в Варну. Ох и икается сейчас британцам, подумал лейтенант. Наверняка и союзники, и собственная пресса костерят их на все лады...

Перед фронтом растянуты редкие цепочки стрелков, скачут всадники – союзники отгородились от неприятеля завесой легкой кавалерии. И не зря, ведь вокруг рыщут казачки, не давая интервентам ощупывать местность впереди войск кавалерийскими разъездами. Впрочем, французов мало интересует разведка – «ромб» ползет наугад, и его движение через несколько десятков верст в любом случае приведет к крепостным веркам Севастополя.

Если бы... если бы не жалкая, в какой и козу-то не утопишь, речушка Альма, чей обрывистый левый берег вздымается точно на пути пришельцев.

Дальше, за поднятой армией пылевой тучей, в раскаленной солнцем степи поднимаются к небу дымки. Казаки стараются, сообразил Эссен: князь Меншиков велел истреблять запасы фуража, которые нельзя вывезти. А его новый советник, генерал Фомченко, предложил заодно жечь и любые постройки, включая заборы, – неприятеля надо лишить дров для приготовления пищи и дерева для устройства полевых укреплений.

* * *

Наверное, подумал лейтенант, каждый из солдат испытывает сейчас душевный подъем. Легко и весело идти вперед со штуцером на плече и ранцем за спиной, когда ты – крошечный винтик невиданно мощной военной машины. Долбит по барабанным перепонкам ритм полкового марша, летит из-под ног красно-бурая почва, истертая в тонкую пыль подошвами, подковами, колесами...

Только пыль, пыль, пыль
От шагающих сапог,
И отдыха нет на войне...²

Эту песню пел в кают-компании Велесов. Или это было в Каче, во время посиделок у ночного костра? Здесь она еще не написана, а пыль из крымских дорог выколачивают не сапоги британских колониальных стрелков, а стоптанные башмаки зуавов и драные чувяки турецкого низама.

Корнилович ткнул большим пальцем вниз – знаменитый жест римского плебса, обрекающего на смерть поверженного гладиатора. В ответ Эссен энергично помотал головой. В прошлый раз мичман Энгельмейер рискнул спуститься на пятьдесят метров, но снизу

² Редьярд Киплинг. «Пехотные колонны».

ударили таким залпом, что мотористы позже насчитали в крыльях и корпусе восемнадцать пулевых отверстий. Хорошо хоть, Марченко приказал соорудить дощатый слип, по которому аппарат с ходу выскочил на берег, а то пришлось бы вылавливать его из мутной воды Севастопольской бухты. Нет, кроме шуток: пять с лишним сотен штуцеров в залпе – это много. Болвану Энгельмейеру повезло, что ни одна пуля не угодила ни в мотор, ни в самих авиаторов. Кажется, ясно было сказано: не спускаться ниже трехсот метров!

А вот для того, чтобы сбросить флешетты, придется снижаться до бредущего. Наставления по применению «аэропланов стрел» рекомендовали сбрасывать их со ста пятидесяти футов, не выше – иначе «снаряды» лягут с большим рассеянием. И наилучшего эффекта можно добиться, накрывая цель рассыпанными стрелками, как ковром. Скорость сто двадцать в час, высота тридцать метров – флешетты будут лететь почти параллельно земле. Пехота здесь строится плотными рядами, и солдаты за эти несколько дней привыкли к виду проносящихся над головой аппаратов. До сих пор от них не исходило особой угрозы, а потому пехотинцы больше не разбегаются в стороны, не падают на землю, закрывая руками головы. А значит, коварная смерть пронизает сразу несколько тел...

Эссена передернуло, он с усилием отогнал видение прочь. Странно, подумал лейтенант, неужели Фибих не просветил своих новых друзей о том, какую опасность может представлять для пехоты аэроплан? Он-то знает и о флешеттах, и о зажигательных «ромовых бабах», и о пулеметах...

Лучше всего заходить на пехотные колонны с тылу, на бредущем. И, вывалив груз, сразу уходить в сторону с набором высоты. Только надо заранее прикинуть направление, а то выскочишь на другую колонну, под залп сотен штуцеров...

Ну, это, слава богу, не сейчас.

Корнилович выровнял аппарат. Теперь они летели над береговой линией на север. Слева пенится узенькая полоска прибоя, а вдалеке, там, где берег резко поворачивает на юг, горизонт заволочла дымная завеса: там шел французский флот. Эссен сначала удивился, почему моряки так отстали от сухопутной армии, но потом понял, что отставание не так уж и велико: пехоте и обозам еще часа полтора шагать до речки Булганак, за которой – рукой подать! – стоят на высоком берегу Альмы русские. Пока походный ромб развернется в боевые порядки, корабли успеют приблизиться на расстояние, достаточное для открытия огня.

И тем не менее надо торопиться. Эссен сделал Корниловичу знак – «Возвращаемся!» – и потащил из-за отворота кожанки рацию.

III

Крым, Альма.

27 сентября 1854 года.

Прапорщик Лобанов-Ростовский

Пехотный солдат, саженого роста малый с соломенными волосами под суконной бескозыркой, босой, в полотняной рубахе поверх портов, выпалил: «Слушш, вашбродие!» и кинулся исполнять. Обреченные кустики оставались последней помехой, перекрывавшей сектор обстрела. Лобанов-Ростовский установил один из трех выделенных для этого направления пулеметов на крайнем отроге, в двух сотнях шагов перед татарской деревенькой Улуккул-Аклес. Позицию выбрали с таким расчетом, чтобы пулеметный огонь пришелся во фланг пехотным колоннам французов, которым, хочешь не хочешь, а придется карабкаться на плато.

Позади Улуккул-Аклес, на самой высокой точке позиции, возвышалась восьмиугольная башня, сложенная из красного кирпича, – станция оптического телеграфа системы Шато. С верхней площадки можно было поддерживать зрительную связь с двумя соседними стан-

циями: северной, в Евпатории, и южной, возле Константиновской батареи на Северной стороне Севастополя.

На башне сидели наблюдатели из штаба Меньшикова, и при них – мощная радиостанция, присланная с «Адаманта». Станция позволяла устойчиво держать связь с рациями-переговорниками, так что советник князя генерал Фомченко (еще один гость из XXI века) с утра расположился на башне и старательно плетет «радиосеть», накрывающую берега Альмы и изрядный кусок моря.

* * *

Место для второй огневой точки прапорщик наметил в полуверсте перед восточной окраиной Улуккул-Аклес; третья располагалась на правом фланге предполагаемого движения французов.

Все три пулеметных гнезда – тщательно замаскированные, с запасными позициями, – располагались перед фронтом семнадцатой пехотной дивизии генерала Кирьякова, занимавшей плато. Ровными линейками расставлены батареи, прикрытые брустверами из фашин и корзин с землей. В тылах зарядные ящики и запряжки, дальше, за деревней, – обозы, дымят костры, варится кулеш. Солдаты сидят на земле возле составленных в пирамиды ружей, взад-вперед проносятся казаки и верховые адъютанты.

* * *

Генерал Фомченко, обходивший позиции вместе с Меньшиковым, особо напирал на маскировку. Прапорщик усмехнулся, припоминая багрового от жары генерала. Фомченко сопровождал княжеский кортеж на двуколке – как выяснилось, большинство «потомков» не умеют ездить верхом. Впрочем, одернул себя Лобанов-Ростовский, нехорошо смеяться над коллегой-авиатором (он ведь генерал-лейтенант авиации?), да еще и таким заслуженным! Ну не умеет ездить верхом – так и что с того? Зато в тактике разбирается превосходно и командными талантами бог не обидел. Недаром Фомченко жестко осадил генерала Кирьякова, повторившего известное еще со времен Семилетней войны присловье: «На подъеме с моря и с одним батальоном шапками забрасаем неприятеля и как кур перестреляем».

Прапорщика покорила показная лихость этого немолодого человека, а еще сильнее – его опрометчивость. Неужели здесь считают, что доблесть военачальника-полководца состоит в том, чтобы относиться к врагу с пренебрежением, полагая его каким-то картонным, пребывая в неколебимой уверенности, что он непременно будет действовать вот так, а не эдак?

Фомченко так рыкнул на генерала, что тот растерялся – то ли стреляться от позорища, то ли вызывать грубияна на дуэль? И лишь под ледяным взглядом Меньшикова сдулся, забормотал что-то и постарался поскорее затеряться среди штабных.

А потом Фомченко предложил всем присутствующим выйти из палатки. Снаружи ждали трое матросов с «Алмаза», караулящие нечто, старательно укрытое от любопытных глаз чехлом. По знаку генерала парусину сдернули, и...

– Перед вами, господа, пулемет системы «Максим», образца тысяча девятьсот пятого года на крепостном лафете. К сожалению, не самая лучшая модель, но уж какой есть. Для наших условий – в самый раз.

Старенький пулемет, помнивший еще русско-японскую войну, сняли с тумбовой установки «Алмаза». Древний колесный станок тоже имелся на крейсере – на случай высадки десанта. Теперь раритет пригодился.

Офицеры окружили агрегат и принялись рассматривать казенную часть, утыканную непонятными приспособлениями, медный ствол с крошечным, меньше ружейного калибра, дулом, подозрительно тонкие колеса и станину в виде железной трубы с лемехом на конце. Шестидесятипятилетний генерал, начальник 6-го корпуса, взгромоздился с помощью адъютанта на сиденье и взялся за рукоятки. Прапорщик, почтительно склонившись к генералу, показал, как выставлять с помощью винта вертикальную наводку, как устанавливать планку прицела для стрельбы на большие дистанции, как заправлять патронную ленту.

Фомченко подождал, пока офицеры и генералы осмотрят необычный механизм, и продолжил:

– Как вам, несомненно, известно, пехотный батальон способен выпустить в минуту около шестисот пуль. Это устройство вполне его заменяет, представляя собой куда менее уязвимую цель для огня неприятеля – особенно с учетом дальности эффективной стрельбы более кило... более версты. При наличии трех пулеметов по фронту противник, атакующий силами полка, будет выкошен огнем за пять минут. Единственная сложность состоит в нехватке боеприпасов, а потому продемонстрировать сейчас действие пулемета мы не будем. Увидите завтра, в бою.

После этого генерал изложил разработанный план: при появлении франко-турецкой эскадры обозначить отход войск с плато, приглашая неприятеля занять оставленные высоты. И он, конечно, примет это любезное приглашение. Еще бы: здесь ключ ко всей русской позиции. Восточнее начинается обширное дефиле, по которому проходила Севастопольская дорога. Дальше дефиле плавно поднимается, образуя западные скаты Курганной высоты, а перед плато, в излучине Альмы, в беспорядке разбросаны саманные домишки и изгороди татарской деревни Альматамак. До уреза воды от нее версты две; дороги, проходящие через Альматамак, карабкаются на возвышенный южный берег, а дальше разбегаются в стороны: одна на Качу и далее на Севастополь, другие – к татарским деревенькам в Улук-Кульской долине. Взяв плато, неприятель получает возможность громить артиллерией резервы на обратных скатах возвышенностей, а также нанести удар во фланг и тыл центра русской позиции.

В «прошлый раз» так оно и получилось – оказавшись под угрозой бомбардировки с моря, Кирьяков отвел войска с плато, и французы заняли его без малейшего сопротивления. Но на этот раз их ждет классический огневой мешок: втянувшись на плато, войска попадут под перекрестный пулеметный огонь. В деревеньке тоже приготовлен сюрприз: в чахлах садиках замаскированы три батареи, а на задах Улуккул-Аклес ждет своего часа еще одно «чудо-оружие» – многоствольные ракетные станки в конноартиллерийских запряжках. По замыслу, ракетчики вылетят в обход деревни на прямую наводку, дадут слитный залп по смешавшемуся неприятелю, после чего на отвозах уволочут свои «органы» в тыл, на пере-зарядку.

И все это возможно лишь в том случае, если не будет бомбардировки с моря. Тысячи чугунных ядер и бомб способны перемешать с землей не одну дивизию. Но, чтобы обрушить огонь корабельных орудий на открыто стоящие батареи, французам придется выстроить линкоры большой дугой от мыса Лукул до траверза альминского устья. Вариантов тут нет – дальность стрельбы гладкоствольных пушек заставит выбрать именно такое расположение, а там...

А там их будет ждать еще одна ловушка. Восемнадцать гальваноударных мин, все, что имеются на борту «Заветного», выставленные в одну линию. Эти мины способны проламывать днища дредноутов и рвать надвое стальные эсминцы – что им деревянные корыта, пусть и здоровенные?

План этот предложил Сергей Велесов, «гость из будущего», которого совсем недавно выловили из воды миноносники. Возражений не нашлось; оставалось удивляться, почему

севастопольцы сами не додумались до столь очевидного решения? Из гимназического курса истории прапорщик помнил, что во время Крымской войны мины не без успеха использовались на Балтике. Да и здесь, на юге, на Дунае, были случаи применения этого оружия. Конечно, изделиям академика Якоби очень далеко до мин «образца 1912 года», но ведь и они оказались серьезной угрозой для британских боевых кораблей! Что мешало запасти на главной военно-морской базе Черноморского флота несколько сотен таких снарядов? Две линии минных заграждений могли бы наглухо запечатать вход в Севастопольскую бухту. В Кронштадте или, скажем, при обороне Свеаборга никому и в голову не пришло топить военные корабли как паршивые баржи, для того чтобы загородить фарватер...

* * *

Прапорщик огляделся. Шагах в тридцати из-под лопат летела земля – солдаты, прикомандированные к пулеметной команде, заканчивали рыть ход сообщения к запасной позиции. На основной же позиции расчет (матросы с «Алмаза» под командой кондуктора и прикомандированный к ним мичман-севастополец) уже обустроился. Земляные стенки старательно выровнены; бочонок с водой для охлаждения ствола аккуратно прикрыт деревянной крышкой. Короба с запасными лентами уложены в нишу, выдолбленную в земляной стенке окопа; рядом, в пирамиде, сколоченной из жердей, стоят мосинские карабины пулеметчиков и гладкоствольные «передельные» ружья. В тылу, в отдельно отрытом окопчике, дымит костерок, попыхивает паром жестяной чайник.

Пулемет стоит на жиденьком дощатом настиле. Мичман в полотняной летней фуражке и запачканном землей белом сюртуке, закусив от восторга губу, водит туда-сюда кожихом ствола.

Таких пулеметов – «Максимов» на крепостных лафетах – у прапорщика было три. Их решили поставить здесь, на плато, а три других, «Мадсен» и «Льюис», снятые с гидропланов, а также великолепный пулемет на треноге, переданный с «Адаманта», составили подвижный отряд в резерве главнокомандующего. Пулеметы поставлены на рессорные пароконные пролетки, и при необходимости их можно быстро перебросить на любой участок.

Лобанов-Ростовский подошел к «Максиму», заглянул в щель стального щитка. Все правильно – мичманец не валяет дурака, а вовсе даже наоборот: тренируется, учится переносить огонь с одной цели на другую. На склоне, по которому через несколько часов предстоит подниматься французской пехоте, натканы прутья, обозначающие сектора обстрела. Вот мальчишка и старается: ловит прицелом вешки, воображая, что это ряды французских стрелков в красно-синих мундирах.

Прапорщик одобрительно кивнул «стажеру» и направился ко второй запасной позиции. Ах да, вспомнил он на ходу, ведь и лопат тоже не хватает! Утром пришлось вырывать шанцевый инструмент у артиллеристов с матерным лаем, чуть не с мордобитием. Здесь всего недостает – лопат, кирок, досок, нарезных ружей, морских мин...

Вдали раскатился орудийный выстрел. Лобанов-Ростовский обернулся, поднял бинокль. В двух верстах к югу, на жалкой речонке Булганак, клубится пыль, там русская кавалерия начала дело с конницей союзников. Туда около часа назад двинулись в батальонных колоннах два полка 17-й дивизии – генерал Кирияков, выполняя приказ, спешил развернуть авангардный заслон. Что ж, все идет по плану: сейчас кавалеристы обменяются наскоками, конные батареи выпустят пару десятков ядер, и русские дисциплинированно откатятся к Альме. А вслед за ними медлительной, изнемогающей от жажды и усталости черепахой поползет армия союзников.

Завтра, подумал Лобанов-Ростовский. Все – завтра. А пока надо, кровь из носу, раздобыть еще хоть десяток железных лопат, а то люди измучились, разбивая твердый, каменистый грунт кирками, а потом выгребая деревянными лопатами. Да и перекусить не мешает – вон каким вкусным запахом тянет с пехоцких биваков...

IV

Из дневника Велесова С. Б.

«27 сентября. Прав Гегель: «Великие события повторяются дважды: первый раз как трагедия, а второй – как фарс». Трудно, конечно, называть фарсом то, что привело к гибели людей, но посудите сами: второй раз, и в той, нашей, и в нынешней версии истории, стычка на Булганаке, эта прелюдия Альминского сражения, проходит по одному и тому же сценарию! Может, историческая ткань, как утверждают иные мои коллеги по цеху фантастов, в самом деле обладает упругостью и стремится восстановиться после деформации?

Но – по порядку.

Сегодня, около девяти утра (в прошлый раз это было 19 сентября), союзники выдвинулись от Евпатории и после недолгого, но утомительного марша к трем часам пополудни вышли на рубеж ручья Булганак. Здесь гусары Кардигана встретились с крупными силами русской кавалерии и решили принять бой. Французы повели себя осмотрительнее: подозревая, что кроме кавалерии впереди есть и пехота, они остановились, прикрывшись от неприятеля завесой стрелков. Не желая оставлять бриттов совсем уж без поддержки, маршал Сент-Арно выдвинул вперед три батальона легкой пехоты из состава 3-й дивизии.

Итак, четыре эскадрона Легкой бригады начали строиться для боя в виду неприятеля, казаки шагом двинулись навстречу. Но заинтересованные зрители, в роли которых, кроме штаба светлейшего князя Меншикова, выступали еще и двое алмазовских авиаторов, напрасно ожидали лихой атаки: обе стороны ограничились вялой перестрелкой по фронту. Казакам, впрочем, некуда было торопиться – за их спинами к месту событий скорым шагом подходили два кирьяковских полка, усиленные артиллерией.

Первой открыла огонь конная артиллерия англичан – без особого, надо сказать, результата. К тому моменту противники уже стояли в развернутых боевых порядках друг напротив друга и по-прежнему медлили.

Неизвестно, повторилась ли известная из истории отвратительная сцена между Кардиганом и лордом Луканом; ясно лишь, что англичане, немного подождав, попятились. И тут эстафета бестолковщины перешла к русским.

Одна из казачьих батарей (надо бы уточнить, какая именно; не исключено, что это снова оказалась Донская резервная) бегло обстреляла англичан через головы своих и даже нанесла неприятелю кое-какие потери. Тем временем лейхтенбергские гусары полковника Халецкого, намереваясь атаковать отступающего противника, выскочили перед строем донцов и закономерно были приняты пушкарями за неприятеля.

Не знаю, опубликует ли здешняя «Русская старина» воспоминания меншиковского адъютанта Панаева; да и будут ли вообще написаны эти строки? А потому позволю себе привести отрывок, недурно описывающий эти события:

Батарейный командиръ не р#шался, сомн#ваясь, что этотъ эскадронъ могъ быть непріа-телемъ; но Кирьяковъ настаивалъ такъ упорно, что батарея мигомъ выпустила 8 снарядовъ. Посыпались свои, эскадронъ бросился врознь. Жалости достойная картина этой кровавой безтолочи была какъ на ладони передъ глазами св#тл#йшаго... Вс# бывшія у ставки князя вид#ли это, ломали руки, тужили, а помочь было невозможно. Изъ опасенія, чтобы гене-

раль-лейтенантъ Кирьяковъ опять что-то не напакостилъ, князь поспѣшилъ воротить его въ свое мѣсто...

Не знаю, пытался ли бравый гусар Халецкий, в соответствии с историческим прецедентом, зарубить командира батареи, стрелявшей так некстати метко. Ясно одно – после трагического происшествия остальная наша кавалерия так и не двинулась с места, упустив шанс доставить неприятности Легкой бригаде, измотанной утренним маршем.

Итак, сражение при Булганаке не состоялось и на этот раз. Увы, севастопольцы снова проявили полнейшую неспособность к взаимодействию родов войск, а ведь предстоящее дело во многом, если не во всем, зависит именно от этого!

Самое время спросить себя: а не переоцениваем ли мы возможности радиосвязи применительно к предстоящей баталии? Да, надежная связь – дело первостепенное, но ведь и ею надо уметь пользоваться! Так что, боюсь, дело предстоит решать пулеметам прапорщика Лобанова-Ростовского и, разумеется, флоту.

Куда ж без него? Согласно данным воздушной разведки, французская эскадра к пяти часам пополудни миновала примерно половину расстояния от Евпатории до устья Альмы. И если наши мореманы не собираются ставить мины под самым носом у неприятеля, им стоит поторопиться. Разумеется, никто здесь понятия не имеет, что мины можно ставить с ходу: в 1854-м для этого применяли особые плотики или барказы. А все же рисковать не стоит: за «Заветным» будут наблюдать немало подзорных труб, и не хотелось бы, чтобы в их числе была еще и оптика французских морских офицеров. Эти хотя бы слышали о минном оружии, не дай бог, что-то заподозрят!

Место для минных постановок намечено еще вчера. Минер с «Заветного» и один из адамантовцев долго вчера лазали по обрывам приморского плато с лазерным дальномером. Старательно вымеряли дистанции до установленных на самом виду полевых батарей и прикидывали, как могут французы расставить корабли для бомбардировки берега.

Хорошая штука – современные технологии! Хотя, помнится, в Порт-Артуре русские моряки обошлись обычной оптикой, устраивая схожую каверзу адмиралу Того...

* * *

Сюрприз: в Севастополь прибыл Великий князь Николай Николаевич. И произошло это не в конце октября, как это было в нашей истории, а месяцем раньше. Случайность? Не думаю. Что-то уже сдвинулось не только здесь, в эпицентре событий, – волны «изменений реальности» расходятся все шире и захватывают все больше людей. Что ж, во всяком случае, теперь понятно, откуда узнает о нас Николай Первый – Император получит сведения по самому надежному каналу, от собственного отпрыска!

Третий сын Николая Первого и Александры Федоровны, всего 23 лет от роду. Заядлый кавалерист, лейб-гвардеец и военный инженер. Получил прекрасное военное образование; его воспитанием с семилетнего возраста занимался выдающийся по образованию и душевным качествам боевой генерал Алексей Илларионович Философов. Отлично разбирается в артиллерии и фортификации, готовил к боевым действиям балтийские крепости Кронштадт и Свеаборг. В «нашей истории» Николай Николаевич при обороне Севастополя руководил крепостными работами, укреплениями и батареями на участке от Константиновской батареи до Мекензиевых гор. В дальнейшем всю жизнь посвятит армии, успеет поучаствовать и в Балканской кампании.

Возможно, Меншиков, зная об интересе Николая Николаевича к военному делу, информировал о «гостях» именно его? Или же сведения дошли до Великого князя какими-то иными путями? Тогда понятно, почему он не задержался в Кишиневе, в ставке Горчакова,

а направился сразу сюда, в Крым. А вот в курсе ли Государь – это, как говорится, хороший вопрос...

В «нашей истории» Николай отправил сыновей в действующую армию для того, чтобы поднять ее дух, подорванный рядом поражений, в том числе и неудачей на Альме. *«Ежели опасность есть, – писал Император Горчакову, – то не моим детям удаляться от нее, а собою подавать пример»*. В то же время Николай Первый писал главнокомандующему Крымской армией князю Меншикову: *«Сыновьям Моим, Николаю и Михаилу, дозволил Я ехать к тебе; пусть присутствие их при тебе докажет войскам степень моей доверенности; пусть дети учатся делить опасности ваши и примером своим служат одобрением храбрым нашим сухопутным и морским молодцам, которым Я их вверяю»*.

Но здесь-то не было несчастливых для русской армии Альмы и Балаклавы! Бомбардировки Севастополя – и той не было, а вот череда пусть не очень крупных, но явных успехов на море, наоборот, имела место и наверняка попала как в европейские, так и в петербургские газеты. Что же заставило Николая Николаевича поторопиться – при том, что брат его Великий князь Михаил и по сию пору пребывает в Петербурге?

В «тот раз» Великий князь прибыл в Крым аккурат накануне сражения на Инкерманских высотах и даже вроде бы отличился в нем. Сейчас он поспел прямо к готовящемуся делу на Альме. Надо полагать, князь прибудет к войскам из Севастополя не позднее завтрашнего утра. Имея некоторое представление о его неумном характере, не удивлюсь, если Николай Николаевич не станет тянуть и прибудет уже сегодня вечером...

Кстати – не забыть включить сведения о Великом князе в информационный бюллетень. И подготовить отдельную справку для Фомченко – ему, первому из нас, придется налаживать отношения с высоким гостем...

И это тоже тема для размышлений об упругости ткани истории: какие последствия способны вызвать слишком раннее появление царского сына в Севастополе? И в любом случае он не сможет пройти мимо такого поразительного факта, как явление гостей из будущего...»

Глава третья

I

Миноносец «Заветный».

27 сентября 1854 г.

Мичман Красницкий

Мины выстроились в два ряда вдоль бортов, на рельсах. Остается только радоваться, подумал Красницкий, что во время набега на Зонгулдак, того, что так неожиданно закончился переносом в прошлый век, корабли не успели побросать взрывчатый груз за борт, как это было предусмотрено планом операции. Вообще-то после налета гидропланов «Заветный» и «Завидный» должны были дожидаться ночи и нанести туркам повторный визит, выставив минные банки на внешнем рейде Зонгулдака. Для этого от самого Севастополя миноносец шел с загроможденной палубой и сильно перегруженной кормой.

Спасибо, хоть во время боя с англичанами опасного груза на «Заветном» уже не было – шальной осколок, угодив в один из смертоносных шаров, мог превратить миноносец в огненный шар. По приходе в Севастополь мины сдали на берег – и вот теперь приняли вновь, чтобы использовать по назначению. Жаль, их всего восемнадцать, больше минные слипы старенького миноносца, построенного еще до русско-японской войны, не вмещали.

Мины предстоит выставить как раз там, где должны встать французские и турецкие деревянные линкоры. Дальноточность гладкоствольных пушек невелика, и, для того чтобы снаряды долетали до русских батарей, так хорошо видимых на фоне неба, придется подходить к самой кромке мелководья. Надо полагать, французы пустят перед кораблями барказы для промеров глубин, и как бы они не обнаружили при этом минную банку! Конечно, якорные мины установлены на большое заглубление, и барказ никак не может задеть свинцовые колпаки взрывателей рога – но мало ли? Вода в Черном море прозрачная, и какой-нибудь остроглазый матрос вполне может углядеть притаившуюся в глубине рогатую тень...

– Немного правее, Федор Григорьевич! – крикнул с бака мичман Оленин. Он поднял к глазам хитрый дальномер и нашаривал на берегу намеченные со вчерашнего вечера ориентиры.

– Еще саженой семь вперед – и будет совсем хорошо!

Командир миноносца посмотрел на минера. Красницкий кивнул, старший лейтенант наклонился к трубе переговорника, выдернул из амбушюра кожаную затычку:

– Малый вперед, три влево!

Рулевой закрутил колесо штурвала, нос корабля не спеша покатился в сторону берега.

– Еще... еще... давай! – Адамантовский офицер махнул рукой. Хотя он же не офицер, вспомнил Красницкий; почему-то у «потомков» в их двадцать первом веке чин мичмана считается унтер-офицерским. Но дело свое он знает...

– Сброс!

Трое матросов навалились на тележку; стальные колесики взвизгнули на рельсах, и мина вместе с многопудовым чугунным якорем ухнула в воду.

– Ждем... ждем... ждем... давай!

И новый фонтан брызг за кормой.

Мичман поглядел на секундомер. Минная постановка идет точно по графику. Сначала – восемь мин в линию от оконечности мыса Лукул; еще десять встанут чуть ближе к берегу длинной дугой, прикрывая северные отроги плато и устье реки. Для этого придется делать

второй заход, и надо поторопиться – вот-вот морская вода растворит сахар, высвобождая пружины стопоров, и мины первой линии станут всплывать.

– Пятая... шестая... седьмая... все! – вслух считал лейтенант. – Николай Алексеевич, пошли на новый заход!

С мостика раздалась команда. «Заветный» описал широкую дугу, выходя на траверз мыса Лукул. «Потомок» снова поднял дальномер, мерно отсчитывая дистанцию и пеленги.

– Как ваши якорные мины толково устроены! – заметил прапорщик Кудасов. – Не то что наши, системы Якоби. Можно ставить на полном ходу, с любого корабля. Даже рельсы не обязательно иметь – приколотить к палубе деревянные рейки, и готово дело!

Откомандированный в распоряжение Красницкого офицер целыми днями пропадал в лаборатории и, как мог, вникал в нюансы минного дела. Ему предстояло скоро отправиться в Николаев, в помощь генералу Тизенгаузену, который как раз достраивал на тамошней верфи опытный паровой минный катер. А пока прапорщик по адмиралтейству напросился на «Заветный» – набираться опыта.

– Вы, конечно, знакомы с устройством автомата глубины? – осведомился Красницкий. Он постоянно устраивал Кудасову такие вот маленькие экзамены. Прапорщик не обижался – наоборот, рад был случаю блеснуть знаниями.

Вот и сейчас он зачастил – будто сдавал зачет в кронштадтских минных классах, где мичману Красницкому довелось поучиться перед тем, как отправиться на Черное море.

– Так точно, господин капитан второго ранга! При использовании этого ме... простите, метода лейтенанта Азарова вьюшка с минрепом крепится не на корпусе мины, а на якоре, и оснащается стопором, состоящим из щеколды и штерта с грузом. Когда мину сбрасывают за борт, она остается на плаву. Штерт под действием груза оттягивает щеколду, позволяя минрепу сматываться с вьюшки. Якорь тонет, разматывая минреп; груз на штерте касается дна раньше его, – тогда натяжение ослабевает, и щеколда стопорит вьюшку. Якорь тем временем продолжает тонуть, увлекая мину на глубину, которая соответствует длине штерта с грузом. А ее можно установить заранее, на палубе, – и никакие промеры не нужны!

– Превосходно, прапорщик! – Красницкий удовлетворенно кивнул. – И учтите, наши мины ненамного сложнее принятых у вас гальваноударных системы академика Якоби. Будь у нас времени побольше, можно было бы самим наладить их выпуск. Но – увы...

– Три... два... один... давай! – выкрикнул адамантовец. Красницкий поднял жестяной рупор:

– Сброс!

Не может такого случиться, подумал мичман, чтобы все мины нашли свои жертвы. Каким плотным ни было бы построение французов. Такого везения не бывает, скорее уж наоборот, один и тот же корабль может подорвать не одну, а две мины – как это случилось в Порт-Артуре с японским броненосцем. Так или иначе, не меньше половины мин не взорвется, и их придется снимать. Причем не просто перерубить минреп и обезвредить взрыватели – нет, надо вытащить и тележки-якоря. Заменить сахар в механизме размыкания – дело нехитрое, а мины еще пригодятся.

Дело, конечно, опасное, но ведь и знакомое! Правда, до сих пор Красницкому доводилось снимать только учебные мины, без боевого заряда. Но ведь все когда-нибудь придется делать в первый раз, не так ли?

II

Из записок графа Буа-Вильомэза

«27 сентября. Решено, что армия двинется к югу, держа равнение правым флангом к морю. Ее будут поддерживать, следуя вдоль берега, военные корабли. В Евпатории Сент-

Арно оставил лишь небольшой гарнизон, – крупного сражения следует ожидать в ближайшие дни, если не часы.

Если в мае мы имели решительное преимущество перед русскими в линейных силах (19 единиц, из них 3 паровых, против 14 у неприятеля) и к моменту выхода из Варны оно стало еще значительнее, то теперь, из-за позорного бегства англичан, наш перевес сведен к минимуму. Вот списки кораблей, которые готовятся покинуть Евпаторию и отправиться к Севастополю:

Линейные корабли, винтовые:

«Наполеон», 90 орудий, 1000 индикаторных сил;

«Шарлемань», 80 орудий, 450 индикаторных сил;

«Жан Бар», 80 орудий, 450 индикаторных сил;

«Монтебелло», 120 орудий, 130 индикаторных сил.

Линейные корабли, парусные:

«Вилль де Пари», 120 орудий;

«Вальми», 122 орудия;

«Фридланд», 120 орудий;

«Генрих IV», 100 орудий;

«Иена», 90 орудий;

«Байярд», 90 орудий;

«Юпитер», 82 орудия;

«Маренго», 80 орудий;

«Вилль де Марсель», 80 орудий;

«Сюффрен», 90 орудий;

«Алжир», 74 орудия.

Кроме того, имелся винтовой «Агамемнон»; он и вооруженный пароход «Карадок» – это все, что осталось у нас от британской эскадры.

Турки добавляют к списку два парусных корабля: «Махмудие» (122 орудия) и «Теш-рифие» (84 орудия).

Итого, 13 парусных и 5 паровых линейных кораблей; к этому списку следует присовокупить винтовой сорокапушечный фрегат «Помон». Мы по-прежнему превосходим Черноморскую эскадру русских, но сейчас это превосходство не выглядит столь подавляющим. По фрегатам, паровым и парусным, а также по судам помельче, включая многочисленные вооруженные пароходы, наше преимущество по-прежнему велико.

Большая часть пароходов, а также парусные турецкие линкоры и фрегаты вместе с эскадрой египетского бея, остаются у Евпатории. С флотом идут лишь назначенные к буксировке суда, а также паровые фрегаты, корветы и шлюпы, занятые в охране.

* * *

Линейные корабли образуют три отряда. В первом четыре винтовых линкора, фрегат «Помон», а также два колесных шлюпа, «Гомер» и английский «Карадок». Ведет отряд «Агамемнон» под флагом адмирала Лайонса.

Вслед за ними следуют двумя колоннами отряды кораблей на буксире. Адмирал на «Вилль де Пари» возглавляет правую колонну, в состав которой входит и «Наполеон». Во главе левой следует «Вальми», на котором поднял флаг автор этих строк.

Флот начал сниматься с якорей около шести часов утра, по сигнальному выстрелу.

Еще в июне мы много практиковались в буксировке как паровыми линкорами (британские «Агамемнон», «Санс-Парейль» и наши «Жан Бар» и «Наполеон» в общей сложности тащили за собой до десяти парусных собратьев, то есть по 2–3 каждый!), так и колесными пароходами. Маневры проделывались в том числе и в виду русской крепости Севастополь 13–15 июня. Благодарение Господу, наши моряки обладают опытом буксировки больших кораблей в эскадренном строю. Это, кстати, и дало Гамелену повод оставить «Наполеон» в составе своей колонны – адмирал заявил, что хочет иметь возможность буксирования в бою линейных кораблей, не подвергая риску малые пароходы.

Тем не менее выход второй и третьей колонн сильно задержался. Флот двинулся в сторону мыса Лукул лишь к одиннадцати утра, четырехузловым ходом.

В два часа пополудни с «Карадока», следовавшего в авангарде, заметили канонаду в районе устья реки Альма. Адмирал Гамелен, получив это известие, приказал поднять ход до пяти узлов, Лайонсу было передано распоряжение выслать к берегу барказы для промеров глубин. Это было исполнено к четырем часам. К тому времени стрельба на берегу прекратилась, сигнальщики наблюдали в подзорные трубы перемещения войск.

Через час с берега на шлюпке прибыл адъютант маршала; Сент-Арно просил адмирала с утра открыть бомбардировку русских войск, занимающих возвышенное плато. Промеры глубин сделать не удалось: посланные барказы обстреляли с плато полевая артиллерия и вооруженный пароход, несущий дозорную службу. «Помон» и «Карадок» несколькими выстрелами отогнали его, но преследовать не стали: над эскадрой появилась крылатая лодка, на зюйде, у горизонта, замаячили паруса русских фрегатов. Наученный горьким опытом (русские оказались настоящими мастерами внезапных нападений!), адмирал Гамелен командовал становиться на якоря.

* * *

Уже стемнело, когда состоялся военный совет. На нем, кроме адмирала Лайонса, присутствовал лорд Раглан; нашего главнокомандующего представлял дивизионный генерал Канробер. На совете приняли план действий на завтра. Сначала отряд Лайонса должен обстрелять берег, имея целью привести к молчанию батареи. Опыт сегодняшнего дня показывает, что русские не дадут обследовать прибрежное мелководье, а потому лишь паровые корабли, способные маневрировать в стесненных условиях, могут выполнить эту задачу. После этого к бомбардировке присоединится мой отряд из шести парусных линкоров. Третий отряд встанет на якоря мористее, на случай (весьма маловероятный) появления русской эскадры. До сих пор они ограничивались набегами легких кораблей и фрегатов, не решаясь ввести в бой главные силы. Остается надеяться, что недавние успехи не прибавят неприятелю решимости: сейчас, когда наши силы ослаблены предательством британцев, они, пожалуй, могли бы добиться некоторого успеха!

* * *

Совет закончился далеко за полночь. Со второй склянкой отбыли на берег лорд Раглан и генерал Канробер. Эти военачальники и раньше не демонстрировали доброго согласия, а теперь и вовсе не желали беседовать друг с другом. Перед отъездом генерал громко упрекнул лорда Раглана в том, что англичане скрывают от союзников важные сведения. Адмирал Гамелен, присутствовавший при сем, осведомился, о чем идет речь.

Оказывается, генерал Канробер недоволен тем, что лорд Раглан держит при своем штабе британского подданного, репортера лондонской газеты, бежавшего недавно из русского плена на крылатой лодке. Его спутник в этом отчаянном предприятии, русский воен-

ный врач, сильно пострадал при падении в воду и находится сейчас в лазарете, в Евпатории. Уже несколько дней он то приходит в сознание, то впадает в забытие; попытки расспросить беглеца об удивительных кораблях и летучих механизмах ни к чему не приводят. Лондонский же корреспондент (по уверениям дивизионного генерала, состоящий на службе в Форин-офис) имел долгий разговор с лордом Рагланом и с тех пор избегает общения с кем бы то ни было, кроме офицеров британского штаба.

Адмирал Гамелен согласился с генералом, что такое поведение не укрепляет взаимопонимания и доверия между союзниками. На это лорд Раглан ответил, что не вправе приказывать этому господину, поскольку тот есть лицо гражданское и, как репортер крупного издания, обладает известной свободой действий. На сем беседу пришлось прекратить, поскольку как лорд Раглан, так и генерал Канробер, торопились на берег – с утра ожидалась баталия, и у обоих военачальников была еще масса дел, не терпящих отлагательства. Прощаясь с англичанином, адмирал заявил, что надеется на встречу с упомянутым репортером, и Раглан дал слово устроить ее, как только найдется свободная минута...»

III

Вспомогательный крейсер «Морской бык».

28 сентября 1854 г.

Андрей Митин

28 сентября 1854-го восход солнца, согласно календарю, составленному Пулковской обсерваторией, состоится в 6.43 пополудни. Навигационные сумерки, когда хорошо видны навигационные звезды и линия горизонта, начинаются несколько раньше, между третьей и четвертой склянками, в 5.43. К этому часу западная сторона горизонта уже тонет в чернильной мгле; на востоке, на фоне узкой, робко светящей полосы неба уже угадывается профиль крымских гор. С зюйд-веста задувало балла на три, и Андрей порадовался: ветер благоприятен для нахимовской эскадры, идущей полным бакштагом. И этот же ветер прижимает к крымскому берегу неуклюжие на буксировке парусные корабли французов...

Вместо того чтобы следовать к норду, навстречу неприятелю, Нахимов увел эскадру далеко в море, чтобы потом, с попутным ветром, обогнуть неприятеля по широкой дуге. И переменить галс так, чтобы подойти к устью Альмы не с зюйда, откуда их, конечно, ждали, а с веста. А с севера внимание вражеского боевого охранения отвлекут парусные фрегаты – «Кулевчи», «Месемврия», «Мидия», «Сизополь», «Коварна», «Кагул», «Флора». Они не станут сближаться с противником – покажут из-за горизонта марселя и будут ждать. И лишь получив сигнал по радио, вздернут нижние паруса и брамсели и пойдут к месту боя.

Отряд во главе с «Морским быком» ночью дожидался Нахимова на траверзе устья Альмы. Над мачтами французских линкоров (они вечером подтянулись к Альме и встали на ночь на якорях, недостижимые для полевых батарей) мотался туда-сюда беспилотник, и всякий раз, когда паровые корабли охранения поворачивали на восток, русские разрывали дистанцию, оставаясь невидимыми для врага.

Черноморцы находились в положении зрячего бойца, вступившего в схватку с могучим, но подслеповатым противником. У русских адмиралов имелась по-настоящему полная картина – достоверная, своевременная, поддающаяся в любой момент проверке! А вдобавок к ней еще и надежная оперативная связь чуть ли не с каждым кораблем эскадры. О чем еще мечтать флотоводцу?

К пятой склянке в предутренней серости на зюйде замаячили паруса – подходила линейная эскадра. На траверзе колонной шли военные пароходы «Дунай», «Крым», «Одесса», «Тамань». Их при нужде можно было использовать как буксиры, если в решающий момент ветер подкинет какой-нибудь сюрприз.

Рация зашипела, забулькала. Старшина-контрактник, выполнявший на «Морском быке» обязанности связиста, прижал ладонью наушник.

– Третий передает: «Имею повреждения».

Корнилов встревоженно поглядел на Андрея. Тот слегка пожал плечами.

– «При перестроении в колонны столкнулся с «Ягудилом». Не могу управляться, нуждаюсь в починке. «Ягудил» остался в строю, серьезных повреждений не имеет».

– Некогда чиниться! – резко бросил адмирал. – Передайте Павлу Степановичу: «Перенести флаг на «Константин». «Марию» пусть тащат самоваром.

Вот так, подумал Андрей. Теперь у нас тринадцать парусных линкоров вместо четырнадцати. Хотя «Императрица Мария» тоже подтянется к месту, на буксире за одним из пароходов. Повреждения скорее всего за ночь не устранить, хотя матросы будут работать как проклятые...

И зря адмирал отдает такие мелкие распоряжения Нахимову. Тот сам с усам – что по части судовождения, что по части тактики. А вот сам Корнилов, в противоположность ему, скорее администратор, чем флотоводец. Истребовать у Петербурга средства для постройки новых судов на Николаевской верфи, для ремонта старых, для расширения доков в Севастополе; пробить расширение казарм для растущих экипажей, истребовать пополнения арсенала новыми орудиями и боевыми припасами – это он может. А командование эскадрой в бою лучше оставить все-таки Павлу Степановичу...

* * *

– Тащ майор, сто третий на связи!

Не спится Борисычу, подумал Андрей, принимая у радиста наушник на спиральном шнуре. Нет чтобы лежать и выздоравливать, как положено раненому, – нет, он ни свет ни заря в эфире и наверняка сейчас начнет делиться новостями.

– Привет, Дрон, как ты там?

Слышимость сегодня отличная, никаких шумов, тресков. Да и откуда им взяться – до «Адаманта» не больше четырех миль. Даже для карманного «потаскуна» – не дистанция.

– Порядок. Что там стряслось на «Марии»?

– Да ерунда, понимаешь. На «Яшке» неудачно переложили руль, прорезали в темноте соседнюю колонну и подвернулись «Марии» под форштевень. Та и ударила, да так, что сорвало катер, висевший на корме, и часть рангоута с бизани. «Мария» поломала бушприт и утлегари, теперь не может управляться. Такие маты стояли – у нас было слышно! Сейчас «Яшка» идет своим ходом, «Марию» зацепил «Крым», а у него котлы текут, мощу дать не может. Плетутся сзади, чинятся на ходу.

«Яшкой» непочтительно именовали трехдечный 84-пушечный «Ягудил». Что за непочтительное отношение к ветеранам, усмехнулся про себя Андрей, ведь этот линкор был заложен еще при Императоре Павле. Хорошо хоть, «Императрицу Марию» не прозвали «Машкой» – видимо, из уважения к царствующей династии. А может, и прозвали, только при начальстве держат язык за зубами? С черноморских остроумцев станется...

– Плечо не болит?

– Болит, конечно, куда без того... Кременецкий, волчина, запретил выходить из санчасти – а я-то только-только Айболита нашего уговорил! Теперь ничего не увижу!

– Я тебе ролик нарежу, – посулил Андрей. – Да и что ты такого сможешь наблюдать с вашего корыта? Наверняка будете болтаться за горизонтом.

– Это уж точно. Шестистволка – это, конечно, вещь, фрегат пополам перепилит, только снарядов к ней всего пара тысяч. На двадцать секунд стрельбы. А дальше что – грязными носками в них кидаться? Так что придется мне посидеть в низах, пока вы там геройствуете...

Как же, подумал Андрей, так я и поверю, что Серега усидит в лазарете! Наверняка выберется и либо залезет в радиорубку к Никитке, либо станет путаться под ногами у Лехи, оператора БПЛА, уговаривая рассмотреть французские линкоры поближе.

А посмотреть будет на что. Минные банки выставлены со вчерашнего вечера. Противник несколько раз пытался прощупать мелководье барказами и малыми пароходами, причем один из них прошел точно над взрывчатым «гостинцем», слава богу – осадки не хватило, не задел днищем свинцовый колпак... Так что «подслеповатый силач» вот-вот угодит ногой в капкан, и тогда настанет черед парусных линкоров Нахимова, их бомбических орудий.

– Андрюх, Кремень просил напомнить миноносникам насчет торпеды. Я им уже проел плешь, давай и ты подключайся.

– Ок, подключусь.

На военном совете было решено, что единственную торпеду следует приберечь для сильнейших кораблей неприятельской эскадры – британского «Агамемнона» или французского «Наполеона». А чтобы не повторить ошибку, случившуюся во время нападения на караван (тогда на «Заветном» перепутали «Санс-Парейль» с «Трафальгаром» и извели драгоценный боеприпас на парусное корыто), торпеду будут пускать только по целеуказанию с беспилотника. Но Велесова все равно одолевали сомнения – уж очень похожи одна на другую трехдечные громадины. В суматохе боя непросто разглядеть кургузую дымовую трубу, по которой только и можно опознать винтовой линкор...

Вон он, «Заветный» – стоит рядом с «Алмазом», над всеми четырьмя трубами курятся угольные дымки. Корабли попаданцев держат давление в котлах, ожидая команды. Самая подвижная и самая мощная группа Черноморского флота.

* * *

– Кстати, Дрон, слыхал, что Фомич учинил? – ожил наушник. – Он, как только узнал, что Великий князь прибыл к армии, самолично его встретил – раньше Меньшикова, заметь! – и потащил показывать пулеметные позиции. Николай Николаич так увлекся, что о светлейшем забыл и вспомнил, только когда их разыскал Панаев. Это адъютант светлейшего, между нами, та еще сволочь... Так Николай Николаич просил извиниться за него и передать, что он до конца баталии останется с пулеметчиками – хочет оценить возможности нового оружия. Фомич говорит: Меньшиков, как это услышал, аж побелел, зубами заскрипел, затрясся. А поделать ничего не может – сам Великий князь пожелали-с! Тем более что при армии он пока как бы неофициально, без назначения...

– Здорово! – Восхитился Андрей. – Если Николай Николаич западет на пулеметы, да еще и с прапором нашим договорится...

– А куда он денется? Тем более Лобанов-Ростовский тоже не лаптем щи хлебает – князь, как-никак!

– А мы потом Николая Николаича на «Адамант» пригласим и вдумчиво его обрабатываем, – согласился Андрей. – Пригодится. Молодчина Фомич, не ожидал от него такой прыти. Вот что значит старая школа!

Голос Сергея вдруг пропал и зазвучал только спустя полминуты. На этот раз без игривых ноток:

– Мабута, Дроныч! Передай Корнилову – французы снимаются с якорей, идут к берегу. Началось!

Андрей машинально взглянул на часы – 6.24 утра. И тут же отозвался медный звон корабельного колокола – третья склянка.

IV

Севастополь.

28 сентября 1854 г.

Реймонд фон Эссен

– Плотнее укладывай, Петька, – наставительно говорил Кобылин. – И шоб они не ерзали. А то будут, понимаешь, ерзать – корзина сползет и все высыплется. Ползай потом по днищу, собирай...

Эссен сидел на бочонке возле слипа и смотрел, как летнаб вместе с Петькой-Патриком загружают стрелки-флешетты в готовый к вылету аппарат. Кустарный «боезапас» собирали отовсюду – из полковых и городских кузниц, из крепостных и портовых мастерских. Стрелки делали из чего попало: от подковных гвоздей до старых скоб, выданных из корпусов догнивающих в дальнему углу бухты старых фрегатов. «Алмазовцы» не даром носились по всему городу, объясняя, показывая, растолковывая: стрелки получались грубые, разного сорта, мало похожие на фабричные изделия, которые авиаторы Великой Войны вываливали на головы противника – но, тем не менее, убойные.

Флешетты привозили навалом в лубяных коробах. Два десятка матросиков севастопольского экипажа с утра сидели, увязывая стрелки пучками по две дюжины прядями распущенных старых канатов. Связки укладывали в корзины и впихивали их куда только можно – и в кабину, под ноги авиаторам, и за спинки, рядом с клепаным бочонком топливного бака, под сиденья. Просто так сыпать стрелки в корзины нельзя: в воздухе летнаб должен загрузить флешетты в особый жестяной короб, прикрепленный к борту кабины. Пилот заходил на цель, бомбардир выбирал момент и дергал за тросик. Дно ящика откидывалось, и флешетты смертельным дождем обрушивались на врага. «Отбомбившись», пилот уводил аппарат на новый заход, а бомбардир должен был за эти недолгие мгновения заново наполнить ящик флешеттами. Потому их и связывали в пучки – много ли захватишь из корзины горстью? Да и руки поранишь об острые жала...

– Ты, главное, не забывай веревочки резать, – поучал Кобылин. – А то не рассыплется в воздухе – и что тогда проку? Разве что кому по башке приложит цельной связкой!

Летнаб не особо расстраивался, что мальчишка займет его привычное место. Щуплому Патрику куда сподручнее возиться в тесной кабине, чем медведеобразному унтеру, а во-вторых, мальчишка уже доказал, что имеет верный глаз. Еще в бытность авиаотряда на Каче он с Эсеном несколько раз вылетал на учебное «стрелометание», и всякий раз флешетты точно накрывали цель. Лейтенант, впечатленный его успехами, официально произвел Патрика в «волонтеры флота» и бомбардиры, велел подобрать форму из «алмазовских» запасов: офицерский пояс с португеей, галифе, куртку-кожанку с двумя рядами медных пуговиц и главное сокровище, французский пилотский шлем. Высоких шнурованных ботинок по размеру не нашлось, и Кобылин заказал у сапожника в городе сапоги из лучшей кожи, на манер гусарских – с короткими, присобранными гармошкой, голенищами. Вдобавок к этому гардеробу Патрик, как полноправный авиатор, получил бельгийский браунинг в замшевой кобуре и был теперь совершенно счастлив.

– Ну вот, готово! – Кобылин запихнул связку стрелок в корзину, пристроенную под сиденье летнаба. – Больше не лезет. На четыре-пять заходов хватит, а более и не надо!

Мальчик кивнул – он пока неважно владел русским и предпочитал отмалчиваться. Впрочем, его и так прекрасно понимали.

За амбаром, где стоял «раздраконенный» гидроплан, свезенный в числе прочего имущества авиаотряда на берег, часто зазвонил колокол. Патрик поднял голову – к слипам, на которых стояли аппараты, быстро шли мичмана Корнилович и Энгельмейер, назначенные в

первый вылет. Вторая смена во главе с Марченко будет ждать своей очереди. Когда звено вернется и пилоты отправятся отдыхать – займут их места в кабинах. Короткий осмотр, масло, газолин, флешетты – и снова в небо! От Севастопольской бухты до устья Альмы всего четверть часа лету по прямой...

И так – пока хватит силенок у изношенных «Гном-Моносупапов». Несмотря на то что удалось перебрать все три мотора и заменить кое-какие изношенные детали, Эссена одолевали дурные предчувствия. А куда от них денешься, если отряд уже потерял из-за поломок два аппарата, причем один – вместе с экипажем? В хрупкой конструкции «эмок» постоянно что-то выходит из строя, ломается, а запасные части брать неоткуда. Кое-что удавалось исправить в местных мастерских, благо не перевелись на Руси Левши и Кулибины. Но куда, скажите на милость, деться от технического отставания в шесть десятков лет? Эссен с ужасом ждал, когда оставшиеся аппараты посыплются без всякого воздействия со стороны неприятеля.

Ну ничего, на сегодняшний день должно хватить. А там механики с «Адаманта» обещали кое-чем помочь. Их корабельной мастерской могла позавидовать даже гатчинская школа военных пилотов. Превосходного качества бензин, которым они поделились – не чета забористому коктейлю, намешанному Эссенем из спирта, керосина и касторового масла. Даст бог, с помощью «потомков» получится продлить жизнь стареньким «эмкам»...

– Как дела, Кобылин?

– Все в порядке, вашбродие! – отозвался летнаб. – Аппарат осмотрен, к летанию готов!

Он уже взялся обеими руками за лопасть винта. Петька-Патрик ревниво поглядывал на унтера (вообще-то это было его обязательностью как напарника Эссена в предстоящем полете), но спорить не решился.

Лейтенант занял место в кабине, потрепал по шлему Патрика, обернулся, махнул рукой. Кобылин качнул лопасть, резко рванул вниз. «Гном» стрельнул, фыркнул, брызнул во все стороны касторкой, отрыгнул клуб вонючего дыма. Кобылин ловко спрыгнул на землю, и матросики, дружно ухнув, столкнули аппарат в воду. Эссен описал по водной глади дугу, разворачиваясь против ветра. Как непривычно, подумал он, видеть Севастопольскую бухту пустой, без шеренг линейных кораблей, без леса мачт, за которым не видно порой неба, без неумолчных криков, стука молотков и топоров, скрипа снастей – всего того, что составляет флот.

Гидроплан, шлепая фанерным днищем по зыби, пошел на разгон. Эссен бросил взгляд назад – там разворачивались для взлета Корнилович с Энгельмейером. Поверхность бухты, исчерченная полосками волн, провалилась вниз, мелькнула под желтыми крыльями серая буханка Константиновской батареи. Эссен дождался, когда взлетят оба ведомых, покачал крыльями. Ведомые выстроились строем пеленга, и Эссен взял штурвал на себя. Аппарат слегка задрал нос и принялся набирать высоту. Петька-Патрик завозился, залез на сиденье коленями и перегнулся через борт, вцепившись пальцами в полированный брус, идущий по верху борта. Как бы не вывалился, забеспокоился лейтенант. Патрик, всякий раз поднимаясь в воздух, норовит свеситься за борт. Скажи ему сейчас: «Петька, выбирайся на крыло!» – ни секунды не помедлит, вылезет, встанет в полный рост, держась за стойку одной рукой, а другой стащит с головы шлем и станет самозабвенно размахивать им над головой...

Патрик полез в парусиновую сумку, привешенную с внутренней стороны к борту. В сумке стеклянно брякнуло. Кроме стрел, в каждый гидроплан уложили по дюжине «ромовых баб», бутылок со смесью олифы, скипидара и машинного масла. Эти импровизированные зажигательные снаряды с примитивными, но вполне надежными терочными воспламенителями в авиаотряде поставили на поток. «Ромовые бабы» неплохо показали себя при налете на английскую эскадру – Эссен видел как минимум три возгорания на кораблях.

«Зажигалки» вместе со стрелами-флешеттами составляли вооружение гидропланов. Эссен рассчитывал, отработав по пехоте, сделать пару заходов и на корабли. Лишь бы моторы не подвели, до Альмы лететь всего ничего, два с половиной десятка верст, топлива хватит на пять-шесть заходов.

Патрик повозился в сумке, извлек бинокль. Юный ирландец смотрел прямо по курсу, на север – туда, где в утренней туманной дымке, за низким нагорьем, петляла, зажата в сухих глинистых берегах, речонка Альма.

Глава четвертая

I

Из записок графа Буа-Вильомэза

«28 сентября. Наши биваки оживились в 4 утра – назначенные дежурные стали будить офицеров. Накануне, поздно вечером, начальник штаба генерал Мартенпе сообщил план сражения командирам дивизий, бригад, дивизионным начальникам артиллерии и саперов. Я представлял на этом совещании флот.

После этого состоялись совещания в дивизиях и полках; в результате младшие офицеры вынужденно засиделись далеко за полночь.

Сент-Арно (он в этот день переживал острый кризис болезни, осложняемой изнурительной лихорадкой) определил начало действий на прибрежном высоком фланге. Русские уже успели здесь укрепиться, и маршал рассчитывал разрушить их оборону корабельной артиллерией. 3-й дивизии принца Наполеона он приказал занять южный берег реки, подняться на плато и, выбив оттуда неприятеля, двигаться вдоль моря, в направлении башни телеграфа. Возникший в результате глубокий охват должен создать угрозу центру и тылу, что вынудит русских перебросить резервы и облегчит атаку туркам и англичанам на другом фланге.

Сент-Арно напомнил, что перед нами сильный противник на сильной позиции. Уязвимых мест в обороне не видно, положение наше усугубляется отсутствием более половины англичан. Отмечу, что маршал не упускал возможность повторить это лишний раз, причиняя тем самым неприятность лорду Раглану. Тот менялся в лице, но не смел возразить против очевидного.

В самом деле, из-за бегства союзников мы лишились четвертой части всей выделенной для крымской экспедиции пехоты! Две колонны транспортных судов, перевозившие 1-ю гвардейскую дивизию герцога Кембриджского и 3-ю генерал-майора Ингланда, остались в строю общего конвоя, но те, что везли 1-ю Легкую, 2-ю и 4-ю дивизии, вернулись в Варну. К счастью, их примеру не последовала колонна, перевозившая кавалерию Кардигана и Лукана. Всего до Крыма добралось около 10 тысяч английской пехоты вместо 26 тысяч, до тысячи сабель и две трети артиллерии – 40 полевых и осадных орудий.

Сент-Арно, напутствуя командира нашей 3-й дивизии, добавил: «Я рассчитываю на вас, принц», на что тот ответил: «Да, господин маршал, я понял, что должен отвлечь на себя часть центра противника. Но помните, что я не могу продержаться более двух часов».

После этого слово взял я и заверил начальников дивизий, что к началу движения в 6.30 утра батареи на плато непременно будут разбиты. Та же участь постигнет и пехотное прикрытие. Особенно я отметил, что моряки понимают меру своей ответственности с учетом недостатка сил, вызванных отсутствием британских союзников. Надо было видеть, как почернел лорд Раглан при очередном болезненном уколе! Кардиган же, который даже в шатре главнокомандующего не снял высокой медвежьей шапки, заскрипел зубами и положил руку на эфес сабли. Пустая бравада!

Итак, флот подведет к берегу самые мощные корабли и, действуя с малой дистанции, очистит высоты от неприятеля. В иной ситуации, будь войск у нас больше (и опять отравленная стрела в сторону гордых островитян!), мы бы ограничились обстрелом с фрегатов и вооруженных пароходов, назначив главные силы для прикрытия с моря. Но теперь этого мало, тем более что русские не проявляют особой активности на море. Их линейная эскадра по-прежнему отстаивается в бухте Севастополя.

От командира 3-й дивизии требуется проявить осмотрительность и не дать первой линии угодить под огонь наших же корабельных пушек. А это вполне может произойти вследствие чрезмерной горячности авангарда. Маршал согласился со мной, добавив, что без активных и самоотверженных действий флота любые наши действия в этом сражении – да и во всей кампании, если уж на то пошло! – обречены на неуспех.

* * *

На востоке, над крымскими горами, первые робкие лучи дневного светила разгоняли предутреннюю мглу. Я наблюдал за происходящим с борта двадцатидвухпушечного «Вальми», куда перешел по распоряжению Гамелена. Отряд адмирала Лайонса уже развел пары и двигался в сторону берега. Линкоры нашей колонны, влекомые на буксирах, двигались за ними, склоняясь к зюйду. Впереди шли на веслах барказы, которым было поручено сделать промеры, невзирая на обстрел с берега. За ними, прикрывая гребные суда, следовал «Карадок». Возвышенный берег четко рисовался на фоне быстро светлеющего неба, и, когда стрелки моего брегета показали 6.30 пополудни, с берега одна за другой взвились три ракеты. Но и без условленного сигнала я видел, что войска пришли в движение и батальоны 3-й дивизии, словно морской прибой, накатываются на берега Альмы.

В ответ с плато одна за другой ударили пушки, и высокие всплески замелькали с большим недолетом до барказов, где матросы уже готовились бросать лоты. Сражение началось».

II

Крым, Альма.

28 сентября 1854 года.

Прапорщик Лобанов-Ростовский

Местность по берегам Альмы едва ли не идеальна для обороны, в который уже раз подумал прапорщик. Повсюду чахлые купы деревьев и виноградники, позволяющие укрыть стрелков. Будь у них трехлинейки или хоть старые добрые «Бердан № 2», неприятелю пришлось бы завалить русло своими трупами. Впрочем, им и так не поздоровится – если, конечно, все пойдет по плану.

Пехотные батальоны дивизии Кирьякова оттягивались назад. Со стороны французов это должно было выглядеть так, будто русские поддались панике. Пехотным было назначено отойти за татарскую деревню и там закрепиться – благо узкие улочки и многочисленные вырытые в земле зернохранилища могут служить прекрасными инженерными заграждениями и без того сильной позиции. Все постройки деревни были из типичного для Крыма материала – самана, высушенных на солнце кирпичей из глины пополам с рубленой соломой.

Селение Улуккул-Аклес, покинутое обитателями, подверглось разграблению. Лобанов-Ростовский видел, как стрелки и артиллеристы, ничуть не страдая угрызениями совести, выносили из домишек все, что могло пригодиться на биваке: нехитрую домашнюю утварь, доски, жерди, ковры. Другие обирали сады с виноградниками, наполняя фруктами бескозырки и ранцы.

Батареи стояли на своих местах, частично укрытые брустверами из плетеных туров, засыпанных землей. То одна, то другая пушка с грохотом выбрасывала столб белого дыма и откатывалась назад, зарываясь хоботом в красную сухую землю. Номера наваливались на колеса, поддевали лафет гандшпугами и накатывали, другие банили ствол, прибавляли заряд. Бомбардир припадал к прицелу, щурился, подкручивал винт наводки, вскидывал руку. Пальник с тлеющим в железном зажиме фитилем вжимался в затравку, пушка ухала, и черный мячик гранаты летел в сторону неприятеля.

Три батареи 17-й дивизии вяло постреливали по бродам. Еще две бросали ядра по барказам, выползающим на мелководе. За шлюпками строем фронта двигались громады линкоров. Стеньги по случаю боя спущены, мачты торчат кургузыми обрубками. Корабли отчаянно дымят; в бинокль видно, что пушечные порты открыты, высовываются из них тупые рыла орудий. Пока они молчат, обстреливать высокий берег из погонных пушек смысла не имеет. И только колесный шлюп, следующий за барказами, уже повернулся и грохнул по очереди обеими своими пушечками. Лобанов-Ростовский перевел на него бинокль: на гафеле бизани полоскался «Юнион Джек».

– Это «Карадок», – сказал Великий князь. – Если верить записке, которую передал ваш генерал, здесь три французских линкора, британский «Агамемнон» – вон он, самый правый, – и большой фрегат. Самые лучшие их корабли, все винтовые!

– Как бы этот мелкий англичашка не подпортил нам обедню, – забеспокоился прапорщик. – Выползет сдуру на минную банку, лягушатники и насторожатся...

За линией паровых линкоров виднелись парусные корабли. Шесть махин, каждая на буксире за отчаянно чадающим колесным пароходом. Идут в строю фронта, забирая к норду, в обход винтовых собратьев. «Встанут правее, аккурат на траверзе речного устья, – понял прапорщик. – Что ж, толково. Тогда край плато вместе с батареями и передовыми позициями пулеметчиков окажется в фокусе дуги из... сколько их там? Раз, два три... да, из одиннадцати больших кораблей. Считая по четыре десятка пушек на борт – по плато будет бить пять с половиной сотен орудий. Такой ураган чугуна способен смести любые полевые укрепления».

С моря снова громыхнуло. Ядра с «Карадока» ударили в край обрыва.

– Сейчас пристреляются, – прошептал Николай Николаевич. – Ну, теперь держись...

Прапорщик покосился на собеседника. Высокий, юношески стройный, затянутый в безупречный, без единой складки, темно-зеленый мундир с серебряными эполетами. Форма конно-пионерного дивизиона, которую Николай Николаевич носит с 1850 года. Каску-пикельхауб держит в руке, за спиной. Бравит, хочет показать свою храбрость под огнем?

Над головой взвизгнуло ядро, Великий князь чуть вздрогнул, но не стал втягивать голову в плечи – прапорщик видел, какого усилия воли ему это стоило.

«Да, Ваше Высочество, то ли еще будет, когда начнется настоящий обстрел...»

Впрочем, надо признать, что августейший гость показал себя лихим воякой. И в Балканской кампании отличился, и при Инкермане пулям не кланялся. И сейчас держится отменно, разве что немного побледнел.

С моря раздался многопушечный рык: головной «Агамемнон» развернулся, ударил залпом. Недолет.

На батареях засуетилась прислуга. Передки подкатывали ближе, ездовые стояли, держа лошадей под уздцы. Скоро придется уходить – и быстро, потому что открыто стоящие на гребне пушки не продержатся и четверти часа под градом ядер и бомб с четырех линкоров.

– Ладно, пора и нам. – Прапорщик сжался над царским сыном. – Пойдемте, Ваше Высочество, французы вот-вот начнут подниматься на плато. Ни к чему им видеть движение возле наших пулеметных гнезд.

Но не успели сделать десятка шагов, как звук артиллерийской канонады перекрыл гулкий удар. Лобанов-Ростовский обернулся, вскинул бинокль и заорал от восторга. Секундой позже к нему присоединилась и прислуга орудий. Даже Великий князь, не в силах сдерживать эмоции, подкинул вверх свою каску, украшенную литым из серебра императорским орлом.

«Агамемнон», возле борта которого оседал высокий водяной столб, кренился, валился на борт. И без бинокля было видно, как с палубы падают в воду крошечные фигурки. Идущий в кильватере корабль отвернул, избегая столкновения. На минуту его высокий борт закрыл от зрителей картину погибающего судна, и тут новый взрыв подбросил носовую часть линкора.

По инерции его потащило вперед – снова оглушительный удар, новый столб пены и дыма под скулой. Когда пелена рассеялась, стало видно, что корабль стремительно уходит в воду, высоко задирая корму.

– Получилось! – в восторге орал Николай Николаевич. – Получилось ведь, мон шер ами! Как котята топнут!

Он порывался кинуться к орудиям, лично возглавить обстрел уцелевших французских кораблей, и прапорщику пришлось чуть ли не силой уводить своего подопечного прочь. Два подорвавшихся на минах линкора – это, конечно, замечательно, но не стоит забывать и о французах, карабкающихся на плато. Еще пятнадцать, от силы двадцать минут – они перевалят через гребень и окажутся в пределах действия «Максимов».

Слух авиатора привычно уловил сквозь канонаду далекое жужжание. Он поднял голову, взгляделся, схватил Великого князя за рукав и ткнул пальцем на юг. Оттуда, на высоте примерно трехсот метров, выстроившись строем пеленга, подлетали три гидроплана. Когда моторы затарахтели прямо над головой, от ведущего аппарата (прапорщик ясно различал цифры «37», машина Эссена), чиркнула косым взлеском и повисла зеленая ракета. Гидропланы один за другим заложили вираж в сторону неприятельского ордера.

Ну вот шутки и кончились, господа союзники. Теперь все, теперь повоюем по-настоящему...

III

Гидроплан М-5, бортовой номер 37.

27 сентября 1854 г.

Реймонд фон Эссен

– Тридцать седьмой, я Первый, как слышно, прием?

До Альмы оставалось минут пять лету, когда Эссена вызвали с «Адаманта».

– Я Тридцать седьмой, слышу хорошо!

Петька-Патрик перестал вертеться и с интересом вслушивался. Он еще не настолько освоил русский язык, но голос из загадочной коробочки действовал на мальчишку завораживающе.

– Тридцать седьмой, задача меняется. Первый удар наносите по колонне линейных кораблей на буксирах за пароходами. Ориентир – устье Альмы. Повторяю – бейте по кораблям, идущим на буксирах! Как поняли, прием?

– Понял вас, Первый, атаковать линейные корабли, буксируемые пароходами на траверзе устья Альмы, – дисциплинированно отозвался Эссен. И после короткой паузы спросил: – В чем дело?

Первый – это был позывной «Адаманта»; сторожевик с его мощными системами связи, всевидящим оком радиолокатора и беспилотником играл роль штабного корабля. По всем правилам, оттуда должны были ответить: «Отставить вопросы, исполнять!» Так уже случилось, и не раз, но сейчас Первый снизошел до разъяснений:

– Первая колонна наскочила на мины, два подрыва... нет, уже три. Вторая пытается встать между ними и берегом, к зюйду. Надо их пугнуть, чтобы кинулись врассыпную, авось да выскочат на вторую линию мин. Работайте бутылками и стрелами, атака по команде. Как поняли?

Как, удивился Эссен, стрелками-флешеттами – и по кораблям? И вспомнил палубы линкоров, кишашие, как муравейники, матросами и пушкарями. Да, это, пожалуй, имеет смысл. Паника будет, и еще какая...

Лейтенант оглянулся. Корнилович с Энгельмейером держались справа в строю пеленга. Эссен повернулся в Патрику, ткнул большим пальцем вверх, потом показал три

пальца. Мальчишка закивал. По их коду это означало «дать зеленую ракету»; если бы палец был один, ракета была бы белой, если два – красной. Зеленая же означала команду ведомым «делай как я».

Юный ирландец клацнул замком, загнал в ствол картонный цилиндрок патрона. Поднял массивную ракетницу обеими руками, зажмурился и надавил на спуск. Зеленый комок огня улетел вверх и вперед, и лейтенант дважды, с секундным интервалом, качнул плоскостями – сигнал ведомым выстраиваться для атаки.

Внизу мелькали домики татарской деревни, за ними, на Севастопольской дороге, пылили прямоугольники пехотных колонн, разворачивались орудийные запряжки, двигались массы кавалерии.

Ведомые один за другим пристроились в хвост. Лейтенант снова качнул крыльями и дал штурвал вправо. Аппарат послушно лег на крыло, уходя в сторону моря.

* * *

Батарей то и дело выбрасывали в сторону кораблей столбы дыма. Ветер относил ватные облачка на юг, вдоль побережья, возле бортов то и дело вставали всплески. Линкоры вяло огрызались одиночными выстрелами – ничего похожего на слитный грохот сотен орудий, который раньше представлял себе лейтенант. Лишь колесный пароход, вставший между линейной колонной и берегом, раз за разом ударял жиденькими залпами.

Гидропланы сделали вираж над скалистым мысом, далеко выдававшимся в море. Эссен привычно направил звено вдоль неприятельской линии. С высоты хорошо были видны облака донной мути, поднятые взрывами. Видимо, подумал лейтенант, французы рискнули подойти к берегу как можно ближе; вряд ли под киями у них сейчас больше пятнадцати футов. Головной линкор завалился на борт и медленно оседает в воду, выставив на обозрение борт и часть днища, обитого медными листами. Второй погрузился на ровном киле – над водой торчит корма, мачты с поперечными черточками рей. Вокруг мельтешат шлюпки, море усыпано человеческими головами, обломками. Три уцелевших линкора отползают прочь. Трубы отчаянно дымят – машинные команды выбиваются из сил, стараясь поднять давление в котлах до максимальных отметок.

– Тридцать седьмой, атакуйте корабли на буксире! Повторяю, на буксире! Как поняли, прием?

– Понял вас, Первый, атакую тех, что на буксире!

Эссен ткнул пальцем, указывая бомбардиру на горлышки «ромовых баб», торчащих из корзины. Но Патрик и сам все понял – вскарабкался коленями на сиденье, сжимая в охапке бутылки с зажигательной смесью. Длинные шнуры терочных запалов он намотал на указательный палец, чтобы все три сработали одновременно, как только бутылки полетят за борт.

Гидропланы один за другим нырнули к воде, заходя в лоб французской колонне на высоте сорока метров. Впереди шлепал колесами пароходик, за ним ползла громада парусного линкора. Странно, успел подумать лейтенант, почему мачты такие низкие? И тут же сообразил – французы собирались встать на якоря и не спеша, со всеми удобствами обстреливать берег. А стены спустили, чтобы побережь в бою рангоут.

Сброс! Петька ящеркой нырнул к корзине, ухватил еще две бутылки, зажал зубами шнуры. Под крыльями проносились плещущие на ветру вымпела, коротко обрубленные мачты, марсы, шканцы, полные людей. Мальчишка успел швырнуть новую порцию «ромовых баб» на концевой линкор, и Эссен увел аппарат в правый вираж с набором высоты.

Перед вылетом было условлено: при атаке на колонну цели разбирать последовательно. Ведущий работает по первому в порядке, первый ведомый, Корнилович, – по следующему, мичман Энгельмейер по третьему.

– Тридцать седьмой, повторить заход!

Ну да, наверняка где-то поблизости висит беспилотный вертолет с «Адаманта», и «потомки» наблюдают картину боя на своих экранах так же ясно, как и те, кто сидит в кокпитах. Эссен поискал аппаратик глазами, но, конечно, ничего не увидел. Поди разгляди эту белую фитюльку на фоне неба!

– Понял, Первый, выполняю...

Нос гидроплана опустился, и Петька-Патрик вывалил за борт новую порцию зажигалок. Увы, результаты попаданий, даже если они и были, пока не видны. А может, их и нет вовсе – не так уж трудно затоптать, сбить кусками парусины огненное пятно, возникшее при падении на палубу бутылки с кустарной зажигательной смесью! Даже если им повезло и в линкоры угодило несколько «ромовых баб» – немедленного результата ждать не стоит.

А вот паника – дело другое. Головной пароход рыскнул вправо, утягивая за собой линкор. Нос многопушечной махины покати́лся в сторону моря, и в этот момент под бушпритом корабля взорвалась мина. Столб огня, пены, деревянных обломков взвился выше мачт, и Эссен инстинктивно завалил аппарат на крыло, влево, уводя к берегу. Быстрый взгляд назад – ведомые на месте, порядок!

Моряки все точно рассчитали, подумал Эссен, французы и впрямь запаниковали. Один из пароходов уже обрубил буксир и улепetyивает; брошенный линкор беспомощно дрейфует в сторону берега, подгоняемый ветерком с веста.

– Тридцать седьмой, отлично! Еще заход с кормы, пеленг тридцать пять, высота семьдесят, как поняли?

– Понял, Первый! – ответил Эссен. – Выполняю!

А про себя порадовался такому невиданному делу: чтобы воздушными ударами руководили с земли настолько толково, указывая и цели, и необходимые маневры, и эшелоны захода на цель, с полным пониманием сложившейся ситуации... Да, это вам не молодецкий (а если честно – фанфаронский) налет на Зонгулдак, здесь совсем другое качество управления боем, невиданное на фронтах германской войны. Будь у них такое управление во время налета на английский караван – глядишь, и не сгорела бы «девятка» вместе со всем экипажем...

Звено заложило широкий вираж, заходя для новой атаки. Стройной колонны уже нет: линейные корабли расползаются, кто вправо, кто влево, обходя «пострадавших», подорванный линкор быстро садится носом, с бортов горохом сыплются в воду люди.

Лейтенант ткнул Патрика локтем, снова ткнул вверх большим пальцем, но на этот раз показал сначала один палец, потом три. Белая и зеленая ракеты – «выбирать цели самостоятельно».

Мальчишка-ирландец вывалил оставшийся боекомплект на корабль, описывающий циркуляцию в обход подорванного линкора, и лейтенант с удовлетворением отметил, что не все «ромовые бабы» пропали напрасно – на шкафуте занимался пожар.

Выровняв аппарат, Эссен бросил взгляд на стеклянную трубку указателя топлива. Еще один, может, два захода – и пора домой. Сколько там у Петьки осталось бутылок – три, четыре? Что ж, пехотой займемся в другой раз...

IV

Из записок графа Буа-Вильомэза

«28 сентября. Кто бы мог сегодня утром предположить, что этот день обернется для французского флота самой страшной со времен Трафальгара катастрофой? Кто из нас поверил бы, что эти гордые красавцы, на которые совсем недавно взирали с надеждой десятки тысяч глаз, к вечеру лягут на дно или спустят перед неприятелем свои флаги? Воистину,

страшна судьба тех, кто расстался сегодня с жизнью, но и жалка участь того, кто остался жив и до дна испил чашу скорби и унижения!

* * *

По сигналу с флагманского «Вилль де Пари» отряд Лайонса снялся с якорей. Корабли шли строем фронта, намереваясь как можно скорее занять места для обстрела берега. С барказов флажками передавали результаты промеров: храбрецы-матросы мужественно делали свое дело, невзирая на град ядер. Их прикрывал двумя своими пушками «Карадок», и русские батареи отвечали ему беглым огнем, так что море вокруг шлюпа кипело от падающих ядер. Воистину, в эту минуту я готов был простить англичанам их бегство!

Вслед за отрядом Лайонса двинулись и мы. «Вальми», на котором я держал флаг, шел на буксире за пароходом «Прометей», занимая место во главе колонны. По сигналу корабли выполнили поворот, перестроившись в шеренгу, и теперь «Вальми» оказался на левом фланге ордера. Спустя несколько минут я распорядился поднять сигнал «поворот все вдруг» и повел колонну в обход первого отряда. Планом предусматривалось, что мы встанем на шпринги на траверзе Альмы, загнув левый фланг к берегу, и откроем стрельбу, поражая русских через головы батальонов, поднимающихся на высоты. Для этого нам следовало некоторое время идти на норд, после чего выполнить еще поворот; после него и до постановки на якоря колонну поведет «Сюффрен».

Я собирался отдать команду «к повороту», когда пришло сообщение о взрыве. Сигнальщики не смогли разобрать, с каким кораблем случилось несчастье. Я велел передать на «Сюффрен»: «уточнить, что произошло» и скомандовал поворот. Следующие несколько минут наш отряд двигался на зюйд-ост, вклиниваясь между мелководьем и левым флангом Лайонса. К моему удивлению, его корабли вели редкий огонь по русским, маневрируя вразнобой.

И в этот момент сигнальщик передал сообщение, ввергшее всех, кто находился на шканцах «Вальми», в трепет:

«Агамемнон» затонул, «Жан Бар» погружается носом».

Мы решительно ничего не могли понять: как может случиться, что два сильнейших боевых корабля потеряны за такой короткий промежуток времени? Если случай с одним еще как-то можно объяснить (например, удачно пущенной бомбой, угодившей в крюйт-камеру), то гибель сразу двух не укладывалась в здравый смысл! Тем более мы своими глазами видели, что русские батареи стреляли в основном по шлюпкам и отчаянному «Карадоку»!

И тут появились крылатые лодки. Как ураган они пронеслись над нами, едва не задев верхушки мачт. О палубу ударился маленький предмет и разлетелся брызгами жидкого пламени. Это был брандскугель, сброшенный с крылатой лодки! Упали еще два снаряда: один ударил в грот-марс, другой лопнул на шканцах. Всех сразу же охватил страх; люди десятками бросались за борт, не в силах справиться с кромешным ужасом, обрушившимся на нас с небес. Положение спас лейтенант Грегуар Пинье. Он собрал вокруг себя матросов, и те стали сбивать огонь песком и кусками парусины. Отважный лейтенант сам снял сюртук и, нещадно хлеща им по языкам пламени, подавал малодушным пример истинно галльской отваги!

Крылатые лодки тем временем вернулись. Они пролетали над нашими головами, засыпая корабли зажигательными снарядами. Дым поднимался на идущей правым мателотом «Иене», досталось и другим. Но, к моему удивлению, результаты огненной атаки оказались не слишком впечатляющими: когда матросы под командой храбреца Пинье одолели пламя, выяснилось, что угроза была не так уж и велика: мы отделались закопченным палубным

настилом, обугленными кофель-нагельными планками да несколькими бухтами канатов, пострадавших от огня. По счастью, огненные брызги не попали на пороховые картузы, сложенные у пушек, – в этом случае последствия оказались бы куда разрушительнее.

Тем временем летучие машины предприняли еще одну атаку, третью по счету. Мы ждали новой порции «брандсугелей», но вместо этого воздух прорезал леденящий душу свист, слышались тупые удары, во все стороны полетели щепки. Стоящий рядом со мной офицер взмахнул руками и отлетел к фальш-борту, будто сбитый ударом в грудь. Я наклонился к нему. Бедняга был еще жив, на губах его пузырилась кровавая пена. В грудь ему угодил заостренный металлический штырь, который, пробив тело насквозь, вонзился в палубу и почти целиком ушел в дерево. Я потрогал торчащий из досок хвостовик смертоносного снаряда, и на моей перчатке осталась кровь несчастного.

Я вспомнил, что британский репортер, тот, что бежал от русских, рассказывал о подобном оружии. Мы не обратили на его слова особого внимания, полагая, что оно представляет угрозу скорее для сухопутных войск. Как жестоко мы заблуждались!

Трое офицеров и семеро матросов на шканцах были убиты или тяжело ранены; погибли оба штурвальных и сигнальщики. По всему кораблю убитых и раненых считали десятками. По счастью, русские не обратили внимания на буксирные пароходы, иначе последствия «железного дождя с небес» могли оказаться куда тяжелее. Мало того что эти суда лишились бы управления вследствие гибели людей у штурвалов, ужасные стрелы могли пробить медные стенки паровых котлов, прикрытых сверху тонкими досками! Стрелы ударили в цель с такой силой, что их находили на артиллерийской палубе – они, словно бумагу, пробивали настил опер-дека, собранный из полуторадюймовых досок, и летели дальше. Я сам видел запасной рей толщиной в шесть дюймов, пробитый стрелой так, что острие ее выглядывало с обратной стороны!

Но и без того железный дождь натворил бед. Наш ордер распался; «Иена», следуя за «Саламандрой», вывалилась из строя в сторону моря, напересечку ей шел «Вилль де Марсель». Я с негодованием увидел, что на «Магеллане» обрубили буксир и «Байярд» беспомощно дрейфует к берегу.

До ушей моих донесся гулкий удар, напоминающий раскат грома. Глазам моим предстало страшное зрелище: под бушпритом «Сюффрена» встал водяной столб – несомненно, следствие подводного взрыва. Линкор осел на нос, и я понял, почему так быстро погибли «Агамемнон» и «Жан Бар»: несчастный «Сюффрен» не продержался на поверхности воды и трех минут! Опер-дек и полубак погибающего корабля уже захлестывали волны; шканцы линкора, куда кинулись, ища спасения, матросы, напоминали теперь кишаший муравейник. Несколько минут – и «Сюффрен» скрылся под водой, и лишь море вокруг мачт, торчащих из воды, подобно покосившимся могильным крестам, кипело от сотен человеческих голов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.